

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ С.Л. РУБИНШТЕЙНА

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ:

О ТОМ, КАК БЫЛ УВОЛЕН С.Л. РУБИНШТЕЙН

(ИЗ АРХИВА МГУ)

6 июня 1989 г. исполнилось 100 лет со дня рождения Сергея Леонидовича Рубинштейна (1889—1960), одного из крупнейших советских психологов, внесших принципиальный вклад в создание современной психологической теории.

Заслуги С. Л. Рубинштейна в настоящее время общепризнаны. Однако до сих пор не подведена черта под адресованными ему упреками и прямыми обвинениями в недостатке идейности и патриотизма, академизме «буржуазного» толка, в проведении «линии ошибок космополитического порядка» [7; 72, об.], следствием которых будто бы явились теоретические ошибки в «Основах общей психологии» (2-е перераб. изд., 1946), плохая организация работы кафедры, оторванность от научного коллектива и студенческой среды, послужившие основанием для отстранения его в 1949 г. от заведования кафедрой психологии Московского университета. Эти обвинения, бросающие тень на личность ученого, с годами, по мере формирования в советской психологии научных школ, стали причиной болезненной конфронтации, обнаруживающейся в широком диапазоне — от простого непонимания до открытого конфликта между сторонниками школ С. Л. Рубинштейна и Л. С. Выготского — А. Н. Леонтьева¹.

О достоинствах и недостатках творчества С. Л. Рубинштейна можно судить, знакомясь с его научным наследием: идеи не умирают, а новый контекст изменяет характер их прочтения. Но остается неизменным ощущение драматизма двух последних десятилетий жизни ученого, чья общественно-научная и педагогическая деятельность в Московском университете, получившая вначале всемерную поддержку, была затем произвольно ограничена из конъюнктурных соображений.

С. Л. Рубинштейн переехал в Москву в конце 1942 г., расставшись с коллективом единомышленников (в их числе Б. Г. Ананьев, Г. З. Рогинский, М. Н. Шардаков), оставив блестящую кафедру психологии в Ленинградском государственном педагогическом институте им. А. И. Герцена (на ней защищали докторские диссертации А. Н. Леонтьев и Б. М. Теплов), чтобы возглавить с 1 октября 1942 г. (ушел в 1945 г.) включенный незадолго до этого в состав МГУ Государственный институт психологии и с 13 октября 1942 г. [2; 214, 215] — вновь учрежденную в Московском университете с 1 октября 1942 г. [5; 83] кафедру психологии. О ставившихся перед кафедрой задачах можно судить по отрывку из письма заместителя ректора МГУ в Ашхабаде И. С. Галкина в ВКВШ при СНК СССР, написанного в эвакуации 30 января 1942 г.: «Образование

в настоящий момент в университете кафедры психологии является совершенно необходимым не только в целях обеспечения нормального преподавания психологических дисциплин на факультетах, но и в целях создания нормальных условий для вновь введенного в состав университета Института психологии, который, становясь по образцу других научно-исследовательских институтов университета научно-вспомогательным учреждением кафедры, приобретает необходимую связь своей исследовательской работы с работой учебной» [8; 11].

Итогом ленинградского периода научной деятельности С. Л. Рубинштейна явились «Основы общей психологии», увидевшие свет впервые в 1940 г. 10 апреля 1942 г. за эту книгу С. Л. Рубинштейн был удостоен Сталинской премии второй степени и звания лауреата. 29 сентября 1943 г. его избирают членом-корреспондентом Академии наук СССР. В связи с выдвижением кандидатуры С. Л. Рубинштейна в члены-корреспонденты АН СССР ученый совет Института психологии на заседании 16 апреля 1943 г. так характеризовал своего кандидата: «Имя профессора Рубинштейна самым непосредственным образом связано с успехами, которые достигнуты в настоящее время советской психологией. Капитальный труд проф. С. Л. Рубинштейна «Основы общей психологии», удостоившийся Сталинской премии по циклу философских наук, впервые всесторонне и обоснованно представил психологию как относительно законченную научную систему в свете материалистической диалектики» [5; 75]. Эта оценка звучала признанием того, что к началу 40-х гг. в советской психологии созрела ситуация, позволявшая, говоря словами С. Л. Рубинштейна, «по-новому развернуть работу, направленную на построение системы советской психологии на новых, наших методологических основах, обоснованной философски, взаимодействующей с другими отраслями передовой советской науки (передового советского естествознания, языкознания и т. д.) и органически связанной с практикой в различных ее областях и, в частности, практикой воспитания и обучения советских людей» [5; 61, об.].

Приступая к строительству кафедры в Московском университете, С. Л. Рубинштейн не мог не знать намерений в ее отношении руководства МГУ: «Кафедра психологии Московского университета должна вести ряд курсов на философском факультете, специализированные курсы на четырех отделениях филологического факультета и на историческом факультете, а также пропедевтические курсы психологии (входящие в педагогический цикл) на биологическом, географическом, экономическом и химическом факультетах» [8; 11]. Легко понять С. Л. Рубинштейна, решившего привлечь к работе значительный контингент совместителей, что выражало, возможно, также стремление создать интеллектуальную среду для подрастающей молодежи («Квалифицированных психологических кадров так мало; до последнего времени не было организованной системы их подготовки в течение многих и многих лет, а психологических учреждений довольно много»); возможно, он счел бы такой подход ошибочным, предположив, что со временем кафедру назовут «формальной юридической организацией», а ситуацию на психологическом отделении — «абстрактной» [4; 300, 316, 320].

Между тем за короткий промежуток времени кафедра сосредоточила «лучшие силы нашей страны из числа психологов», «руководящий состав из числа психологов вообще» [4; 315], одинаково сильный со стороны как профессуры, так и молодой смены. Назовем имена А. Н. Леонтьева, А. Р. Лурии, А. А. Смирнова, Б. М. Теплова, П. Я. Гальперина, А. В. Запорожца, М. Г. Ярошевского. Ученый совет философского факультета МГУ на заседании 27 апреля 1945 г. постановил: «1. Признать, что кафедра психологии провела большую научно-исследовательскую работу за 1944 г. и подготовила к печати сборник научных статей по психологии, сборник по восстановлению движений после ранения и вторым изданием труд С. Л. Рубинштейна («Основы психологии». — Н. Ф.). 2. Выдвинуть на получение

Ломоносовской премии работу профессора Леонтьева А. Н. «Психология и восстановление движений» [6; 9, 10]. Была создана не только кафедра, но и отделения психологии на философском и филологическом факультетах.

Одновременно возникали проблемы, для решения которых С. Л. Рубинштейну нужны были единомышленники, просто надежные помощники, но парадоксальным образом он оказался одинок. В 1944 г., вопреки ходатайствам руководителей университета Институт психологии был исключен из структуры МГУ и передан в ведение незадолго до этого организованной (1943) Академии педагогических наук РСФСР. Научная база психологических исследований в МГУ оказалась сильно подорванной. Вопрос «о необходимости дружной и налаженной научной работы кафедры» звучал неожиданно актуально: «Нужен стержень этой работы, объединяющий работу кафедры» [4; 356]. Ректор А. Н. Несмеянов полагал также, что инициатива по сплочению коллектива «должна была бы принадлежать кафедре и ее руководителю и не должна была бы быть выпущена из этих твердых рук» [4; 358]. Все это было выражением доминировавшей на высоком уровне субъективистской тенденции к волевому решению возникавших проблем, в том числе и проблем развития науки. Решение сводилось к требованию обеспечить «идейную направленность» на основе «монолитной сплоченности» (что явилось одной из причин появления в науке монополизма). Ряд экспериментальных и прикладных исследований, объективно подготовивших в психологии сдвиг приоритетов, частью своих методических установок обнаружил подходящее соответствие этой тенденции. Еще в начале 40-х гг. Институтом психологии в составе МГУ (сотрудники института затем стали работать параллельно и на кафедре психологии) были развернуты работы в Москве (Комиссия по проблеме ночного зрения), Ашхабаде и Свердловске (Восстановительная клиника НИИ), которые были «продиктованы условиями войны», но одновременно освещали «интересные для науки стороны поведения человека» [11; 2]. Наиболее значительными являлись исследования А. Н. Леонтьева, А. В. Запорожца и их сотрудников по восстановлению функций движения, имевшие принципиальное значение в понимании проблем развития психических функций. Особенности процессов восстановления движений изучались как на материале центральных нарушений (А. Р. Лурия), так и периферических травм конечностей (А. Н. Леонтьев). Осмысливание результатов происходило под влиянием идей Л. С. Выготского. И кафедра, а затем и отделение психологии философского факультета МГУ оказались удобным организационным фундаментом, на котором как бы само по себе, зримо быстро, из уже готовых блоков складывалось здание «формирующей психологии». С объективной стороны, можно сказать, произошло накопление субстанции, которая в субъективной форме стала проявляться в поляризации сил и интеллектуальном брожении: отражая влияние идущего сверху субъективизма, формирующая психология оказала активное противодействие теоретическим взглядам С. Л. Рубинштейна; даже студенты чувствовали себя «вооруженными» новым методом анализа и рассматривали его как оригинальную и одновременно универсальную матрицу, отсутствие подобия которой автоматически определяло то или иное представление как «буржуазное» или «космополитическое». В этом смысле формирующая психология с самого начала (и в дальнейшем также) обладала значительным иммунитетом, так как созрела, целиком опираясь на собственные силы (что и являлось для приверженцев доказательством безусловной истинности ее положений), именно поэтому ее построения стали играть референтную роль.

Трудно было ожидать в таких условиях корректной научной дискуссии по поводу возникших противоречий. К концу 40-х гг., на фоне растущей популярности исследований группы А. Н. Леонтьева и постепенного отчуждения С. Л. Рубинштейна, произошло фактически неизбежное: конъюнктурные настроения в университетской ученой среде

(усилившиеся после августовской 1948 г. сессии ВАСХНИЛ и январских 1949 г. редакционных статей в газетах «Правда» и «Культура и жизнь», проникнутых «сталинской заботой» «о создании изобилия духовной культуры в нашей стране» [10; 2] и ставших отправной точкой очередной кампании «промыывания мозгов» работникам науки и искусства) оказались сильны настолько, что в апреле 1949 г. С. Л. Рубинштейн был освобожден от обязанностей заведующего кафедрой психологии «в связи с критикой научной деятельности... на ученом совете философского факультета» [3; 79].

«Борьба мнений» была спровоцирована, в частности, и тем обстоятельством, что ранее работа С. Л. Рубинштейна оценивалась как всесторонне и обоснованно представляющая советскую психологию в виде относительно законченной научной системы. Со временем стали очевидными субъективность и поверхностность такого утверждения: ученый только наметил тенденцию психологии к суверенности, обозначил границы и элементы ее инфраструктуры. Неадекватная оценка исказила действительную связь между тенденцией, частным способом ее экспликации (в «Основах общей психологии») и реальным многообразием форм теоретических представлений локально формирующихся психологических школ. Методологические установки и принципы С. Л. Рубинштейна создавали необходимый научный потенциал, но оказались изолированными от экспериментальных данных; разобщенность двух научных школ имела абсолютный смысл и прервала процесс, начатый С. Л. Рубинштейном в Московском университете,— был намечен другой путь, по-видимому, более соответствовавший условиям того времени.

Предлагаемая ниже публикация представляет материалы заседаний президиума ученого совета МГУ [4] и ученого совета философского факультета МГУ [7], состоявшихся соответственно 17 января и 12 апреля 1949 г., которые, надеемся, позволяют, опираясь на первоисточник, составить независимое мнение о мотивах и целях критики С. Л. Рубинштейна.

Тексты публикуются с сокращениями тех частей стенограмм заседаний, которые содержат обсуждение вопросов, не имеющих отношения к теме публикации (обозначено многоточием). К сожалению, не сохранились и не могут быть опубликованы тексты документов, упоминавшихся в ходе заседаний и содержавших информацию по смыслу важную для их участников (например, письмо С. Л. Рубинштейна к ректору А. Н. Несмеянову). В текстах без специальных оговорок исправлены явные грамматические ошибки и опiski и использованы современные формы стандартных сокращений и правила пунктуации; дописанный нами по смыслу пропущенный или сокращенный в оригинале текст указан в квадратных скобках; отдельные, сделанные нами, пропуски сильно искаженного или непонятного текста обозначены тремя точками в квадратных скобках; сведения об участниках заседаний, выступавших и лицах, на которых ссылаются выступавшие, приводятся в примечании на странице, содержащей первое упоминание о лице (сведения приводятся по состоянию на 17 января и 12 апреля 1949 г., их источником являются архивные документы). Поскольку стенограммы являются записями живой речи, в текстах сохранились стилистические шероховатости — редакционной правке их ни тогда, ни сейчас не подвергали.

Подлинные документы хранятся в Архиве Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова и ранее не публиковались.

1. Приказы по МГУ им. М. В. Ломоносова за 1942 г. Т. 1 // Архив МГУ, ф. 1, оп. МГУ, д. 42.
2. То же. Т. 6 // Там же, д. 47.
3. То же за 1949 г. Т. 1 // Там же, д. 123.
4. Протоколы и стенограммы заседаний Президиума Совета Московского университета за 1949 г. Т. 1 // Архив МГУ, ф. 1, оп. 4, д. 122, л. 288—321.
5. Сергей Леонидович Рубинштейн (личное дело профессора МГУ) // Архив МГУ, ф. 1, оп. 34, д. 7730.

6. Протоколы и стенограммы заседаний ученого совета философского факультета МГУ за 1945 г. // Архив МГУ, ф. 13, оп. 2, д. 1.
7. То же за 1949 г. // Там же, д. 11, л. 26—93.
8. Переписка ректората МГУ с НКП СССР и другими учреждениями по вопросам организации, реорганизации и деятельности структурных подразделений МГУ за 1942 г. Т. 2 // ЦГАОР ИСС г. Москвы, ф. 1609, оп. 2, д. 138.
9. Об одной антипатриотической группе театральных критиков // Правда. 1949. 28 янв. С. 3.
10. На чуждых позициях: О происках антипатриотической группы театральных критиков // Культура и жизнь, 1949, 30 янв. С. 2—3.
11. В первом русском университете // Вечерняя Москва. 1944. 30 дек. С. 2.

Н. В. Фролов, зав. архивом МГУ

**Протокол № 2
заседания президиума совета университета от 17.I 1949 г.**

Присутствуют: А. Н. Несмеянов [академик, ректор МГУ, председатель ученого совета университета], А. Л. Сидоров [профессор, заведующий кафедрой истории СССР исторического факультета, проректор МГУ по научной работе], К. А. Салищев [профессор, проректор МГУ по учебной работе], А. А. Смирнов [профессор, директор Института психологии АПН РСФСР, старший преподаватель кафедры психологии философского факультета МГУ по совместительству], А. А. Соколов [профессор кафедры теоретической физики физического факультета, директор НИИ физики МГУ, декан физического факультета], К. К. Марков [профессор, декан географического факультета], Ф. И. Георгиев [профессор кафедры диалектики и исторического материализма философского факультета МГУ], Г. Н. Артемьев [генерал-майор, начальник военной кафедры МГУ], Д. А. Кутасов [доцент кафедры диалектического и исторического материализма философского факультета, декан философского факультета МГУ], Т. П. Ломтев [профессор кафедры русского языка филологического факультета МГУ], Г. А. Новицкий [доцент, и. о. заведующего кафедрой музееведения и краеведения исторического факультета, декан исторического факультета МГУ], [Я. Я.] Рогинский [доцент кафедры антропологии биологического факультета МГУ], Б. А. Кудряшов [профессор кафедры биохимии животных биологического факультета, директор НИИ зоологии МГУ], А. И. Кудрявцева [директор Научной библиотеки им. А. М. Горького МГУ], В. П. Рожин [старший преподаватель кафедры диалектического и исторического материализма философского факультета МГУ], Ю. А. Салтанов [помощник ректора МГУ], Е. Н. Мануильская [помощник проректора МГУ по учебной работе], [А. И.] Компанеев [заместитель декана философского факультета МГУ по учебной работе], И. Д. Удальцов [профессор, заведующий кафедрой отраслевых экономик экономического факультета, декан экономического факультета МГУ], А. И. Михайлова [доцент, секретарь Ученого совета МГУ], [А. В.] Запорожец [доцент кафедры психологии философского факультета МГУ].

Повестка заседания

1. Отчет о работе кафедры психологии. Докл. зав. кафедрой проф. С. Л. Рубинштейна и содоклад проф. ф. И. Георгиева.

2. Разное.

Слушали. Отчет проф. С. Л. Рубинштейна о работе кафедры психологии и содоклад проф. ф. И. Георгиева. *Постановили.* Заслушав доклад зав. кафедрой психологии проф. С. Л. Рубинштейна о работе кафедры и сообщение комиссии (проф. Георгиев), Президиум Ученого совета МГУ констатирует:

1. Кафедра провела большую работу по организации двух специальных отделений — отделения психологии на философском факультете и отделения языка, логики и психологии на филологическом факультете. Для обоих отделений

кафедра разработала учебные планы, программы и т. п.; кафедра обеспечивает необходимым руководством 12 аспирантов.

2. Кафедра провела значительную научно-исследовательскую работу. За последние годы (1945—1947) выпущены два тома Ученых записок. В настоящее время заканчивается подготовка третьего тома, в котором будут освещены вопросы, связанные с итогами сессии ВАСХНИЛ.

3. Кафедра провела ряд заседаний, на которых обсудила значение итогов сессии ВАСХНИЛ для психологической науки и пять заседаний по обслуживанию книги проф. Леонтьева «Очерки развития психики».

Наряду с имеющимися положительными моментами в работе кафедры необходимо отметить и ряд серьезных недостатков:

1. Несмотря на то, что кафедра располагает значительным количеством высококвалифицированных кадров (2 члена-корр. АН СССР, 4 действит. члена Академии педагогических наук и т. д.), в штате кафедры состоят только три работника (зав. кафедрой и два доцента). Все остальные члены кафедры работают по совместительству.

2. Экспериментальная работа кафедры, как учебная, так и научная, сильно тормозится отсутствием у кафедры лаборатории (нет помещения). Кафедра не организовала исследовательскую работу на специальных базах (в школах, на производстве и т. д.) из-за отсутствия соответствующих штатов ассистентов, специально прикрепленных к базам.

3. Кафедра допустила ошибку, не организовав учебных теоретических семинаров для студентов с целью изучения важнейших вопросов психологии, что отрицательно сказывается на общей теоретической подготовке студентов и на формировании у них марксистско-ленинского мировоззрения.

4. В организационном отношении положение на кафедре неблагоприятно. Единое руководство всеми звеньями работы со стороны зав. кафедрой не обеспечено. Зав. кафедрой недостаточно связан со студенчеством.

Необходимо особенно отметить тот факт, что создалась ненормальная обстановка на отделении. Имели место случаи необоснованной и недопустимой дискредитации зав. кафедрой проф. С. Л. Рубинштейна.

5. Психологические взгляды как проф. Леонтьева, так и проф. Рубинштейна содержат в себе серьезные ошибки: они по ряду вопросов не до конца преодолели влияние буржуазных психологических теорий. Имевшее место в последнее время противопоставление проф. Леонтьева, как якобы возглавляющего передовое направление в психологии, проф. Рубинштейну совершенно необоснованно.

Необходимо отметить, что как проф. Рубинштейн, так и проф. Леонтьев признают допущенные ими ошибки, однако ни тот, ни другой до сих пор в печати не выступили с критикой своих ошибок.

Необходимо признать, что кафедра психологии все еще не нашла эффективных путей изучения психики советского человека, слабо связана с педагогической практикой, недостаточно помогает делу коммунистического воспитания подрастающего поколения.

Исходя из этого, президиум ученого совета предлагает:

1. Сплотить весь коллектив работников кафедры на единой идейно-теоретической основе, руководствуясь решениями ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам. Необходимо поднять идейно-политический уровень учебной и воспитательной работы среди студентов, формируя у них марксистско-ленинское мировоззрение. Для этой цели необходимо организовать теоретические семинары, на которых глубоко изучать первоисточники основоположников марксизма-ленинизма, формируя у студентов марксистский подход в решении психологических вопросов.

2. Считать необходимым развернуть методологическую работу по кафедре, ставя на обсуждение важнейшие вопросы психологической науки, добиваясь единой линии в теоретической и учебно-воспитательной работе, основанной на позициях марксизма-ленинизма. Одновременно развернуть работу среди студентов (в кружках и др. организациях),

всячески выявлять исследовательские интересы студентов и должным образом их направлять, руководить.

3. Принять практические меры по укомплектованию кафедры квалифицированными штатными работниками, а также привлечь необходимое количество ассистентов для работы на базах (школах и т. д.).

4. Принять меры для организации лаборатории, необходимой для развертывания научной и учебной работы.

5. Учитывая сложность и большой объем работы, просить Министерство высшего образования ввести штатную должность заместителя декана по психологическому отделению.

6. Просить директора Института психологии Академии педагогических наук проф. А. А. Смирнова организовать совместно с кафедрой научно-исследовательскую лабораторную работу и предоставить возможность членам кафедры и студентам старших курсов пользоваться лабораториями института.

7. Для усиления повседневного практического руководства делами кафедры, особенно в организации педагогического процесса, обязать проф. Рубинштейна выдвинуть кандидатуру в качестве заместителя заведующего кафедрой.

Председатель Совета МГУ академик А. Н. Несмеянов
Секретарь доц. А. И. Михайлова

Стенограмма заседания президиума ученого совета университета от 17 января 1949 года

Председатель — акад. А. Н. Несмеянов

*[А. Н.] Несмеянов*². Начнем заседание президиума.

*[С. Л.] Рубинштейн*³. В конце ноября месяца я обратился с заявлением к ректору университета, в котором сообщал Александру Николаевичу о совершенно ненормальном положении, которое сложилось на психологическом отделении, и просил принять меры для оздоровления создавшегося положения. В тех условиях, которые там создались, я не считал возможным продолжать руководство кафедрой психологии. Рассмотрение этого вопроса задержалось, и сегодня мне предложено сделать сообщение на президиуме ученого совета.

Я должен буду, хотя бы в кратких и общих чертах, сначала охарактеризовать работу кафедры в целом.

На кафедре психологии МГУ лежат большие и довольно сложные задачи. Размер и сложность этих задач определяются не объемом нагрузки в 80 часов, а тем обстоятельством, что она должна обеспечить два специальных психологических отделения — одно собственное отделение на философском факультете и отделение языка, логики и психологии на филологическом факультете.

Вопрос идет вовсе не о том, чтобы обеспечить учебную работу сложного отделения, которое имеет свою историю и традиции. На философском факультете лишь в последние годы создана кафедра психологии. МГУ принадлежала инициатива в деле постановки перед руководящими инстанциями вопроса о необходимости развернуть в Советском Союзе специальное психологическое образование. По предложению кафедры решение было принято, и на кафедру МГУ пала задача переработать профиль отделения, учебные планы, программы и т. д. И в течение ряда лет кафедра психологии разрешала и как будто бы в основном разрешила эту задачу. Поскольку нужно было выработать новый профиль, новый учебный план и новые программы, естественно, мы решили, что придется совершенствовать дело в процессе работы. Поэтому не подлежит сомнению, что в планировании учебной работы кафедры и отделения имеется и по сей день ряд недостатков, к числу которых относятся следующие.

В настоящее время в результате тех изменений, которые министерство провело в этом году, не обеспечена вполне

правильная подготовка психологов (по физиологии и высшей нервной деятельности). Эти дисциплины скомканы, часто читаются не в надлежащем профиле, и к этому вопросу придется вернуться и его упорядочить.

Второе — это вопрос об организации экспериментальной работы и подготовке студенчества психологического отделения (речь шла о будущих психологах научных учреждений). Я и вся кафедра придаем большое значение этому. Здесь мы попытались наметить целую сеть звеньев, начиная от элементарного практикума и кончая научными работами на III курсе и небольшими исследованиями на IV курсе. Эта задача представляет большую трудность. Вы понимаете, насколько нелегко наладить включение студентов в самостоятельную работу по разработке новой темы, в особенности в тех условиях, в которых работает наша кафедра.

В чем заключаются специфические условия? По сей день нет еще экспериментальной лаборатории. Случилось так, что одновременно произошло два события: одно — создание специального психологического отделения, а другое — это отделение от Московского университета Института психологии, который прежде был научной базой. Теперь нужно создавать новую лабораторию. До сих пор на занятиях происходило что-то анекдотическое, можно удивляться самоотверженности лаборантов. Перед занятиями начиналась беготня по различным вузам Москвы для собирания аппаратуры; потом ее свозили к занятиям, проводили занятие и отвозили обратно, вместо того чтобы была постоянная установка. К концу этого года мы получили перед закрытием кредитов довольно большую сумму — 200 тыс. рублей, и нам удалось, к счастью, за несколько дней полностью ее реализовать, мобилизовав все московские и ленинградские источники.

Вторая трудность заключается в том, что при отсутствии лаборатории и при том факте, что основные кадры кафедры — профессора и доцента — являются совместителями, вовлечение [в ее работу] студентов, которое в основном легко осуществляется, когда кафедра в целом большим коллективом ведет эту работу, оно, конечно, было затруднено.

Не подлежит также сомнению, что стоял и сейчас особенно остро стоит вопрос, чтобы вывезти студентов также и за пределы лаборатории, на какие-нибудь базы, школы, предприятия и т. д. Правда, это выражение «вывезти» в данном случае не вполне уместно. Надо сначала ввести студентов в правильно организованную лабораторию.

Говоря о постановке научной и учебной работы на кафедре, я должен отметить те кадры, которыми кафедра располагает.

На кафедре психологии МГУ сосредоточено все, что есть лучшего в Москве, и даже почти все, что есть в Советском Союзе. Крупнейшие силы и цвет советской психологии объединены на кафедре психологии МГУ. В официальной справке я приводил, что в составе кафедры есть 2 члена-корреспондента Академии наук, 4 действительных члена Академии педагогических наук и т. д. Но дело не в том, что есть заслуженные деятели, которые имеют всякие чины и звания. По моему мнению, доцентский состав кафедры как доцентский ничем не уступает профессорскому составу. Поэтому я думаю, что студенты психологического отделения в смысле педагогических кадров, которые с ними работают, поставлены в очень хорошее положение, что не исключает того, что в работе учебной есть целый ряд недостатков, которые надо исправлять.

К числу отмеченных недостатков прибавлю еще один. Мы обратили большое внимание на экспериментальные семинары студентов и полагались как-то больше на теоретический курс, но не предусмотрели достаточное количество специальных семинаров на старших курсах. Это ошибка, надо эту ошибку учесть и исправить.

С учебно-педагогической работой связана учебно-методическая работа. Кафедра провела работу по пересмотру всех программ — сначала в свете постановления ЦК по идеологическим вопросам и в этом году в связи с сессией ВАСХНИЛ. Кафедра подготовила программы почти по всем дисциплинам.

По истории психологии мы не подготовили программ не только для своих внутренних нужд, но и для всех университетов Союза. [См. об этом также на с. 97.]

Сейчас заканчивается печатание программ, которые составлены коллективом нашей кафедры, утверждены министром и должны послужить в помощь для работы других учреждений.

Мы имеем аспирантуру, которую стали развивать лишь в последнее время. В прошлом году мы выпустили одного аспиранта, которого забрали у нас в Минск. В этом году заканчивает один аспирант, которого предназначают для Свердловска. Сейчас у нас имеется 12 аспирантов, и через некоторое время мы будем иметь не только прекрасные кадры, не только наиболее квалифицированных работников и средний комсостав, но и подрастающую и нами воспитанную молодежь.

Кафедра ведет и научную работу. За последние годы кафедра выпустила два тома «Ученых записок» и сейчас заканчивается подготовка третьего тома. В истекшем семестре кафедра провела шесть научных заседаний, посвященных итогам сессии ВАСХНИЛ и обсуждению книги профессора Леонтьева⁴. Последнее заседание проведено совместно с Институтом психологии Академии [педагогических] наук.

Освещая сделанное в плане научной работы, я не склонен переоценивать работу. Она не вполне отвечает требованиям в той мере, как мне хотелось бы видеть. Причины: отсутствие баз и тот факт, что целый ряд работников являются совместителями, научная работа их сосредоточена в значительной мере в других местах.

Касаясь научной работы кафедры, я должен еще упомянуть о большой и сложной задаче организационного характера, которая сейчас возложена на кафедру. Речь идет о созыве Всесоюзного совещания по психологии, которое должно заняться разрешением основных вопросов психологической науки. Приказом министра тов. Кафтанова организация этого совещания возложена на кафедру психологии. Целый ряд членов нашей кафедры входит в состав оргкомитета, и на меня возложена его работа. Мы получили 228 заявок на доклады и большое количество обращений от разных психологов Советского Союза.

Если бы я должен был подвести итоги работы кафедры за длительный период, то я бы сказал о двух более крупного масштаба моментах, из которых один был сделан кафедрой,— это развертывание психологического образования, и второе дело — это организация Всесоюзного психологического совещания.

Если я подчеркиваю некоторый актив кафедры, то это ни в коем случае не означает, что я не вижу серьезных недостатков в работе. Я подчеркивал недостатки в учебной работе, в отношении экспериментальной работы, в отношении циклов, в отношении теоретических семинаров, которые не так развернуты, как нужно было бы развернуть; недостатки в научной работе, отсутствие лабораторий и кадры.

Говоря о кадрах, я хотел бы поставить вопрос о необходимости привлечения молодых кадров.

Если большинство работников состоит из совместителей, то это не потому, что заведующий кафедрой хотел бы иметь совместителей, и не потому, что остальные профессора не хотели бы работать по кафедре. Квалифицированных психологических кадров так мало; до последнего времени не было организованной системы их подготовки в течение многих и многих лет, а психологических учреждений довольно много. Поэтому вряд ли нам удастся в большом масштабе изменить эту ситуацию за счет старых кадров. Единственный реальный путь в том, чтобы изменить ее в пользу уменьшения количества совместителей. Но увеличение количества штатных работников, оно достижимо реально одним способом — привлечением молодежи, которую мы же будем воспитывать.

Я ставлю вопрос об оставлении за МГУ, за нашей кафедрой аспиранта

Смирнова⁵, который в этом году заканчивает аспирантуру. Со стороны министерства против этого не было бы возражений, нужно, чтобы этот вопрос решил ректорат.

Если останавливаться на дефектах кафедры, то особенно неблагоприятно дело в организационном отношении. Мне не удастся осуществить должное руководство всеми звеньями этой работы кафедры и обеспечить должное руководство с моей стороны работой студенчества.

В чем причины этого очень серьезного недостатка? Они трояки. Причины этого нужно прежде всего искать в себе самом. Я должен сказать, что я, очевидно или явно, не очень хороший администратор. Вторая причина заключается в том, что я не получаю нужной помощи. А навряд ли можно эту работу без такой помощи разрешить мне одному.

Что я имею в виду, когда я говорю, что я не имею должной помощи? Я не имею в виду злую волю членов кафедры, а тот простой факт, что в составе кафедры до последнего времени помимо меня был один штатный работник — доцент Гальперин⁶. В самое последнее время мне пришлось еще одного доцента — тов. [О. И.] Никифорову⁷ перевести на целую ставку. Остальные товарищи имеют большую загрузку в других учреждениях. Созвать кафедру, ввиду загруженности людей,— это большое дело, на которое у меня уходит больше сил и времени, чем на решение большого научного вопроса. Это вторая существенная причина, которую нужно как-то разрешить. Немыслимо работу такого объема решать и делать, не имея аппарата, который помогал бы тебе и проводил ту линию, которую ты считаешь нужным проводить.

Есть третья причина, о которой я меньше всего хотел бы говорить, делая доклад о кафедре на президиуме ученого совета, но о которой мне придется говорить со всей прямотой. Говоря о третьей причине, я имею в виду то же самое неблагоприятие на кафедре, по поводу которого я писал заявление ректору и которое вызвало мой доклад на президиуме ученого совета.

Причина этого неблагоприятия, по-видимому, лежит на кафедре, но последствия этого неблагоприятия сказываются на отделении и, значит, на студенчестве, и это особенно нехорошо.

Это неблагоприятие выявилось с особой остротой в последнее время на последних теоретических конференциях, которые прошли по нашему отделению. Что выявилось на этих теоретических конференциях? Два основных обстоятельства. Первое основное обстоятельство заключается в том, что на этих теоретических конференциях в студенческую массу через посредство докладчиков брошены лозунги, которые посеяли смятение в умах студентов и их дезориентировали. По какой линии шли лозунги? Во-первых, делалось такое заявление, которое в сознании студенчества стирало всякую грань между психологией и историческим материализмом, и, во-вторых, делалось такое заявление относительно эксперимента с таким подчеркиванием исключительного значения педагогического эксперимента и лабораторного эксперимента, которое посеяло тоже недоразумение в умах студентов.

Какие же это были заявления? На теоретической конференции, которая состоялась в прошлом году, профессор Леонтьев, подчеркивая общую обусловленность человеческого сознания, которую все мы признаем, формулировал это дело так, что стал утверждать, что пороги чувствительности у советских летчиков другие, чем у несоветских летчиков.

Конечно, есть очень большая разница между советским и несоветским летчиком — американским или немецким, но все-таки различие в том, за какие идеи

советские летчики борются, а не в том, что у них физиологически другая организация. Я не думаю, что профессор сам бы теоретически отстаивал такую позицию, но он такой лозунг бросил. Когда я говорил студентам: есть установки, которые действуют автоматически, он ответил на это, что он с этим не согласен, что установка, прежде чем стать автоматическими, они бывают раньше сознательными. Может быть, можно было эти заявления профессора Леонтьева истолковать иначе? К сожалению, сегодня профессора Леонтьева здесь нет. Об этом я лично сожалею. Я дважды обращался к нему с извещением о том, что будет это заседание и что его присутствие здесь необходимо, но он сказал, что едет в командировку по линии Академии педагогических наук.

Я сожалею, что я говорю об этом в отсутствие профессора Леонтьева, я предпочел бы [это] высказать в присутствии Леонтьева.

Я не думаю, что профессор Леонтьев вообще против эксперимента. Профессор Леонтьев — квалифицированный работник и очень хороший эксперименталист. После доклада Мещерякова⁸, который состоялся на теоретической конференции, студенты стали приходить ко мне и задавать вопросы: а не нужно ли переменить тему? У нас тема экспериментальная, не опасно ли это? Не будет ли она забракована?

Я не собираюсь приписывать профессору Леонтьеву убеждение, что нужно выбросить эксперимент. Я думаю, что он не придерживается этой точки зрения, но он недостаточно ответственно бросил замечание, которое породило такую точку зрения и сумятицу среди студентов.

Второе обстоятельство. В этих же выступлениях шло прямое противопоставление профессора Леонтьева как ученого, якобы возглавляющего передовое направление советской психологии. Я приведу несколько примеров, чтобы не быть голословным. Секретарь партийной организации и ученица профессора Леонтьева—тов. [Наматевс]⁹ обратились ко мне с предложением, чтобы заседание, посвященное 10-летию «Краткого курса», устроить совместное: партгруппы с кафедрой. Выступил докладчик с докладом о «Кратком курсе». Он говорил сначала о «Кратком курсе», затем перешел к тому, что произошло на биологическом факультете, а затем говорит: «У вас здесь происходит то же самое: профессор Леонтьев есть вождь передовой психологии; а вот профессор Рубинштейн и его «Основы» носят реакционный характер».

Я имею заявление от секретаря парторганизации тов. Никитина¹⁰, что тов. Котов¹¹ не был уполномочен делать от парторганизации эти заявления. Когда я потом спросил тов. Котова: «А каковы основные Ваши возражения против моих «Основ» и основные ваши соображения?» он мне ответил: «Я Вам на это ничего сказать не могу, я этого дела не знаю и в нем ничего не понимаю». Я говорю: «Как же так, Вы не понимаете и делаете публичное заявление?», он говорит: «Я имел право сделать это заявление, я его сделал со слов и указания тов. Наматевс».

Этот факт известен секретарю парторганизации тов. Никитину, и он его учтет.

Это не единственное заявление. Мы имели ряд заявлений, и все они, без изъятия, исходили от ближайших учеников профессора Леонтьева.

Для того чтобы не нести ответственности за эти выступления, профессору Леонтьеву давно следовало бы на этих заседаниях дезавуировать эти заявления, а не сидеть и слушать, как объявляют

его руководителем советской психологии.

На этом отделении произошла своеобразная борьба определенной группы против единства и руководства кафедры, и дело здесь, товарищи, совсем не в моей персоне и моей задетости, а дело в том, что вы понимаете, что это значит. Это значит, что, по существу, срывается возможность для кафедры единого согласованного руководства студентами. Это значит, что решение самых спорных вопросов, еще между нами не решенных, переносится на суд студентов и они должны их решать. И они, конечно, не виноваты, если они дезориентированы в этой организации, и создается угроза для нормальной и здоровой теоретической подготовки этих кадров.

Я отметил опасность этой борьбы. Но все мы отлично понимаем, что борьба вообще не есть зло. Война войне — рознь, и есть справедливые войны. Вопрос, за что ведется война и против чего она ведется.

Хотя я указал организационную опасность, я отнюдь не собираюсь сам встать и не хочу вас призывать к тому, чтобы занять формально бюрократическую точку зрения и сказать, что заведующий кафедрой — начальство и не бунтуйте против начальства. Раз я уже должен был коснуться этих неприятных вопросов, я не должен буду ограничиваться организационной стороной дела, а слегка коснусь внутренней, идейной стороны.

Попытаюсь вкратце охарактеризовать ситуацию.

Я указал на ряд лозунгов, которые были пущены на собраниях и которые с моей стороны вызвали возражение. Нужно остановиться на чем-то более доказательном и фундаментальном, тем более что я сам не могу обойти молчанием и те возражения, часто справедливые, которые делаются в отношении меня.

Как обстоит дело с «Основами общей психологии» и как обстоит дело с «Очерком развития психики», который на отделении рядом студентов противопоставлялся «Основам»? Первое издание «Основ общей психологии» вышло в конце 1940 г. и в 1942 г. получило Сталинскую премию. В 1946 г. вышло второе издание, и в 1947 г. развернулась дискуссия, которая отметила ряд недостатков этой работы. Книга, которая вышла в 1942 г., в моем представлении, была ответом советской психологии на постановление ЦК партии о педологических извращениях, которые в нашей области играли такую же роль, как события, разыгравшиеся на биологическом фронте этим летом.

Что означала педология? Несостоятельность и якобы какая-то независимая от человека среда и неучет двух факторов, определяющих развитие, и неучет фактически сознательной деятельности людей.

В моем сознании дело обстоит так, что основной стержень первого издания «Основ» заключался в том, чтобы выдвинуть эту идею в конкретно-психологическом плане: «роль деятельности в формировании психики». И в связи с этим выдвигалась другая мысль, которая мне лично казалась основной. То обстоятельство, что изучение психики наиболее плодотворным образом совершается в процессе изменения и переделки, роль деятельности в психике людей и психология как действенная наука — вот что было самым положительным и в первом издании «Основ» и чему я, вероятно, обязан той благоприятной оценкой, которую эта книга после первого издания встретила со стороны ряда товарищей. В 1946 г. вышло второе издание, которое подверглось критике на дискуссии в марте месяце 1946 г.

Одно справедливо: упрек шел по линии объективизма. Это соответствует действительности. Я никак этого не защищаю, и сейчас готовлю работу, и одну статью уже сейчас сделал, в которой пытаюсь по-иному поставить эти вопросы.

Речь должна идти не об этом, а об основном зерне в книге и ее основном недостатке.

В чем заключается, с моей точки зрения, основной недостаток моей книги, вышедшей в 1946 г.? В книге выдвигается тот тезис, что «условия и образ жизни являются решающими в формировании

психики». А если вы спросите, реализован ли этот тезис удовлетворительно, то я скажу, что нет. И в этом заключается основной недостаток второго издания. Отсюда в основном шел целый ряд неприемлемейших формулировок, касающихся психофизической проблемы. У меня это больше реализовано в отношении животных и меньше в отношении человека, и поэтому нет конкретного исторического подхода к человеческому сознанию и в связи с этим не поставлен вопрос о психологии советского человека.

Вот как бы я охарактеризовал основной источник недостатков своей книги того издания с точки зрения тех позиций, на которых я сейчас стою, развивая дальше их, исправив то, что там было сделано неправильно. Сейчас я работаю над большой книгой, посвященной специально философским вопросам психологии, где пытаюсь дать новую трактовку проблем.

В чем заключается, в моем представлении, основная линия работы кафедры и моя? Конкретная реализация этого ведущего положения: новая разработка основных теоретических вопросов психологии на базе марксистско-ленинской философии и ленинской теории отражения. Под этим углом зрения и в связи с этим — дальнейшее превращение психологии в действенную науку, связанную с практикой нашей страны и, в частности, с воспитанием и формированием советских людей.

Если так сформулировать линию, то я не вижу здесь места борьбе и противопоставлениям. Но в пределах этой линии у меня могут быть ошибки, и вот [с этими ошибками] нужно бороться. Буду за это очень благодарен. Но нет места для какой-то принципиальной борьбы и принципиального противопоставления реакционного и передового. Я не знаю, что это за передовое, которое противопоставляется реакционному.

Какие специфические позиции у профессора Леонтьева? Эти лозунги, о которых я упоминал,— это больше формальная демагогия. Сейчас я не хочу останавливаться на научных формулировках и касаться отдельных ошибок, а в общих чертах как дело представляется? Профессор Леонтьев тоже признает, как и я, образ жизни как ведущий фактор, и с этой точки зрения, казалось бы, возможна была бы совместная дружная работа на этой идейной почве, но в отношении себя я так уже сказал, что я декларировал и в некоторых местах недостаточно последовательно реализовал, и неудовлетворительно реализовал, это положение.

Как это положение выглядит у профессора Леонтьева, который тоже признает его? Образ жизни и деятельность сводятся в основном к строению деятельности, а сознание — к строению сознания, и задача психологии изучать строение одного и другого и как одно строение влияет на другое строение. Из соотношения этих формул все должно совершаться. Известный формализм или структурализм — вот основная опасность той концепции, которую защищает Леонтьев и на которую может опираться его претензия на создание совсем особой психологической системы. Хотя, как мы все понимаем, формализм есть большой недостаток, все-таки в формализме есть нечто соблазнительное, и я могу понять студентов, которым многое нравится в этой концепции. Сколько бы студенты не делали против меня малоприятных замечаний, я никогда не могу иметь ни малейшей претензии к нашему студенчеству, наоборот, я чувствую известную свою вину перед ним, потому что студенчество, как бы оно ни выступало, оно не виновник, а жертва наших ошибок.

Что студентам может здесь нравиться? У них создается впечатление, что их профессор Леонтьев очень вооружает. Есть два ключа и два секрета — «смысл и его значение». У них должно [появиться] чувство, как легко, не вдаваясь в действительный и конкретный анализ, чувствовать себя очень вооруженными. Я думаю, что как раз лучших студентов может привлечь то, что излагает в своей книге и в лекциях профессор Леонтьев. Этот формальный подход отличный от того, что находится в других книгах. Он явно выступает как нечто своеобразное, оригинальное,

новое. Наши студенты понимают, что есть буржуазная психология, что дело нашей науки — сломить это и сказать новое слово. Когда они сравнивают, то они видят, что здесь сказано что-то совсем своеобразное, совсем не так, как в других книгах. Если взять книгу «Основы общей психологии» и книгу Джемса, то там восприятие и здесь восприятие, там размышление и здесь размышление.

Я не буду анализировать по существу эти положения. Я скажу только так: я совсем не склонен как-то умалить профессора Леонтьева как ученого. Он хороший исследователь и ученый, который по ряду отдельных вопросов делает хорошие работы, но если взять концепцию в целом, то мне кажется, что эта формалистическая сторона и формалистическая заостренность порочна и вместе с тем она может быть заманчива для студенчества. Я неоднократно слышал от студентов такие заявления: «Как интересно читает профессор Леонтьев! Дайте нам какой-нибудь подсобный семинар, мы ничего не знаем». Почему так получается? Профессор Леонтьев излагает ряд интересных домыслов, но основное — система основных знаний — часто заслоняется и не получает должного освещения.

Еще раз должен повторить: очень сожалею, что профессор Леонтьев отсутствует здесь и что я вынужден говорить в его отсутствие, но я его предупредил и не знаю, почему он не счел необходимым остаться.

Итак, если подводить итоги тому вопросу, который я поставил, что есть и справедливые войны и весь вопрос, за что ведется борьба, то я должен сказать, что я не вижу достаточных и идейно ценных позиций, которые оправдали бы ту борьбу, которая ведется группой профессора Леонтьева на психологическом отделении, и я не вижу достаточно идейных обоснований для той борьбы, которая ведется, и, пожалуй, уже сейчас сделал [вывод о] наличии некоторых идейных обоснований для той борьбы, которая не ведется, т. е. для борьбы против ошибок профессора Леонтьева.

Вот с чем связано то неблагополучие на кафедре психологии и психологическом отделении, которое вынудило обратиться с заявлением к Александру Николаевичу и вызвало постановку доклада здесь. Это обстоятельство, как вы видите, имеет и личную сторону. Мое-то дело — это дело маленькое, и его можно легко и прекрасно разрешить, освободив меня от заведования кафедрой. Я должен сказать, что мои интересы, которые сводятся к тому, чтобы не быть виновником дальнейшего ухудшения работы, будут этим вполне учтены.

Вторая сторона вопроса заключается в том, что нужно навести порядок и на кафедре, и на отделении, что нужно на кафедре сплотить действительно единый идейно объединенный коллектив, который в силу этой идейной объединенности смог во всю свою мощность работать над разрешением научных и учебных задач, которые стоят перед кафедрой.

Нужно создать здоровую обстановку на психологическом отделении, для того чтобы студенчество не становилось жертвой наших споров и не дезориентировалось в основных вопросах науки и собственной учебной подготовки. Нужно обеспечить действительно нормальную и полноценную подготовку тех психологических кадров, которые Московский государственный университет выпускает для нашей страны. Вот с этим я обращаюсь к президиуму ученого совета, к ректорату и к парторганизации нашего университета.

[Реплика] с места. Мой вопрос относится к психологической концепции Леонтьева. Вы говорили о формализме, имея в виду его «Очерк развития психики». Я бы хотел, чтобы вы сказали мне, как вы оцениваете его очерки в связи с его многочисленными экспериментальными работами, которые он провел, а также и ряд его сотрудников.

С. Л. Рубинштейн. Я говорил с полной отчетливостью, что я положительно отношусь к целому ряду экспериментальных работ профессора Леонтьева, считаю, что он хороший экспериментатор, который сделал ряд хороших исследований.

[А. Н.] Несмеянов. Предоставляю слово профессору Георгиеву, который является содокладчиком.

[Ф. И.] Георгиев¹². Комиссия с самого начала ограничила себя кругом вопросов и главным образом поставила задачей разобраться в той ситуации, которая сложилась за последнее время на психологическом отделении. Один из этих вопросов есть вопрос: что собой представляет кафедра на сегодняшний день с точки зрения своего качественного состава?

Я не могу не присоединиться к С [ергею] Л [еонидовичу], что на кафедре представлены лучшие силы нашей страны из числа психологов. Это руководящий состав из числа психологов вообще. Это бесспорно так, это ведущие психологи нашей страны. За этим весьма положительным фактом есть и весьма отрицательная сторона, и она заключается в том, что из большого количества высококвалифицированных психологов, представленных на кафедре, только 3 работника являются штатными, это заведующий кафедрой и 2 доцента. Остальные работники отдают свое время главным образом там, где они находятся на основной своей работе. Поэтому кафедра, в сущности как учебно-научная единица, как идейно, цельно организованная, я бы сказал, не функционирует. Кафедра носит в таком плане формальный характер, это формальная юридическая организация в значительной степени.

Очень остро стоит вопрос в отношении штатных работников кафедры, тем более, как мне кажется, кафедра МГУ не только должна быть образцовой в смысле постановки научной и учебной работы внутри университета, но она должна оказывать планирующее влияние на психологическую мысль, на развитие психологии нашей страны, помогать нашим психологам, находящимся за пределами Москвы. Они в этом нуждаются. В этом отношении мало что можно вписать в качестве положительного баланса в работу кафедры, если не считать отдельных поручений, которые и то выполняются не блестяще.

В отношении штатных работников и в отношении качества кадров, в отношении деятельности кафедры складывается определенное мнение: кафедра, несомненно, хорошая по своему качественному составу, но это кафедра в сущности не Московского университета с фактической стороны дела. Что касается учебной работы, нет сомнения, кафедра проделала определенную работу в отношении учебных планов, программ и т. д., тем более если учитывать, что эти два отделения созданы заново и нужно приложить определенные усилия и внимание для того, чтобы организовать и наладить учебный процесс. Однако здесь есть тоже недостатки, и, как мне кажется, недостатки серьезные. Прежде всего нет повседневного систематического руководства учебным процессом со стороны заведующего кафедрой. Не чувствуется определенной четкости в смысле организации тех или иных психологических курсов, и в частности, спецкурсов. На IV курсе спецкурс фактически сорван. Прочитано две лекции А. Н. Леонтьевым, причем экспромтом, работа не продолжается, курс приостановлен. Ясно, что это положение ненормальное. И не всегда это доходит до кафедры, поскольку заведующий кафедрой не очень тесно связан с учебным процессом. Второе — нет семинарских занятий по теоретическим вопросам, если не считать лекционных курсов там, где они читаются, и экспериментальных практикумов. Без семинаров очень трудно говорить о том, что мы по-настоящему формируем марксистско-ленинское мировоззрение у наших студентов и по-настоящему готовим их как специалистов. Это, конечно, недостаток, и его нужно отнести к заведующему кафедрой.

Третье. Та работа, которая ведется на курсах, очень слабо контролируется заведующим кафедрой. Опыт работы плохо изучается. Результаты этой работы мало обсуждаются. Многие из преподавателей, т. е. почти все, предоставлены самим себе. Учебный процесс

организуется в значительной степени самими преподавателями. Разумеется, что такое положение нельзя считать нормальным. Заведующему кафедрой необходимо взять в свои руки это дело и направлять, организовывать учебный процесс и изучать все то, что делается, обобщать и делать достоянием каждого преподавателя, чтобы каждый из работников кафедры чувствовал направляющее руководство в своей работе. Этого, к сожалению, нет или почти нет.

Что касается исследовательской работы, кафедра за последние годы выпустила два тома «Ученых записок». Третий том готовится в связи с сессией ВАСХНИЛ. Конечно, кафедра приложила руки, чтобы можно было издать это, это можно приписать в качестве известной заслуги кафедре, но в то же время нельзя закрывать глаза и на тот факт, что второй том фактически сделан не на кафедре, а это сделано в период эвакуации, когда кафедры психологии вообще не существовало. Кафедра здесь собрала то, что было сделано работниками [других] кафедр, которые существовали, являлись работниками [этих] кафедр, и затем это было издано в качестве «Ученых записок». Здесь известный труд есть, однако мы видим, что это не есть в собственном смысле слова труд кафедры.

То же самое можно сказать и в отношении первого тома. Работы делаются работниками на стороне, а здесь они выпущены под маркой МГУ. Отдельные работы могли быть сделаны как работниками кафедры, но это не характерно для работников кафедры.

С [ергей] Л [еонидович] не располагает штатными работниками, и естественно, что [так] будут опубликовываться работы до тех пор, пока он не будет иметь работников, которые осуществляли бы деятельность на своей кафедре.

В отношении исследовательской работы, в частности в отношении этих двух томов, нужно сказать как о положительных фактах.

Вопрос насчет единого коллектива на самой кафедре: Сергей Леонидович очень ясно сказал, что он мог бы себе пожелать кое-что в отношении своих организационных навыков. Надо сказать, что этих навыков действительно мало. Если сказать прямо—плохой организатор. Результаты такие: целый ряд важнейших вопросов, которыми живут психологи и работники его кафедры, они не обсуждаются на самой кафедре; методологическая работа в собственном смысле слова на кафедре не ведется. На других кафедрах ставятся доклады членов кафедры, обсуждаются эти доклады, приходят к единому мнению по важным вопросам в отношении науки и организации учебного процесса, его идейной направленности. Здесь же этого нет. Вряд ли можно приписать [кафедре] большую заслугу в отношении организации «Очерка развития психики». Насколько мне известно, эта работа шла по линии Института психологии. Эта сторона дела на кафедре сильно хромает. Спрашивается, как можно выработать единую марксистскую точку зрения, научную точку зрения, если эти вопросы не ставятся и не обсуждаются? Я не знаю, как это можно. Это, безусловно, большой недостаток, который является одной из причин того, что создалось на отделении, то[го], что называют «абстрактной ситуацией». Отсутствие или очень слабое руководство методологической работой, идейной работой на кафедре сказывается и на единстве кафедры как коллектива.

Нельзя не сказать и о том, что такая неорганизованность на самой кафедре имеет место и по отношению к студентам. Лично С [ергей] Л [еонидович] очень слабо связан со студенческой массой, плохо знает интересы студентов, плохо знает их жизнь, их запросы. Если вы при этом скажете, что речь идет о психологах, у которых и профиль и многое другое вообще неясно, неясен даже такой вопрос, как вообще изучать психологию советского человека, идя какими путями и средствами, и многие другие вопросы, [такие] как значение эксперимента в психологии и т. д., и все эти вопросы требуют того, чтобы кафедра давала на них ответы, направляла интересы студентов, формировала их интересы в определенном,

нужном нам направлении, то все это делается очень слабо и крайне недостаточно. Не удивительно, что студенты в целом ряде случаев сами себя организуют, сами ставят вопросы. Они знают, куда идти, раз не идут к нам. Когда эти вопросы ставятся студенческими организациями и кафедра в стороне, то создается ложное положение и кафедры, и заведующего кафедрой как ее руководителя. Существует между кафедрой и студенческим коллективом известный барьер. Этот барьер — реальный фактор. Я говорил со студентами IV курса, со студентами II курса и выяснил, что действительно это факт.

Здесь должно быть ясно, что нет и не может быть среди студенчества одного отношения по отношению к С [ергею] Л [еонидовичу]. IV курс относится к нему отрицательно. II курс — половина «за», половина «против». Такое примерно соотношение. А в целом совершенно ненормальная, нездоровая ситуация. Они говорят: «Мы не чувствуем заведующего кафедрой, он для нас психологически недоступен, он на нас смотрит несколько высокомерно. Поэтому мы не можем просто рассказать о своих нуждах и интересах и попросить помочь. Наша связь ограничивается лекциями, официальным монологом: прослушаем лекцию и уходим». Все в порядке, кажется, а у заведующего кафедрой организующая роль несколько другая. Такой недостаток остается, и на этот недостаток нужно резко указать. С [ергей] Леонидович] должен извлечь из этого уроки. Руководителю кафедры, которая играет особую роль в данной конкретной ситуации, нужно по-другому подойти и дать почувствовать студентам, что есть кафедра и есть заведующий кафедрой, который живет жизнью студентов и направляет эту жизнь определенным образом.

Насчет противопоставления передового и реакционного направлений. Все, о чем я говорил, имеет отношение к этому. Есть ли это противопоставление? Да, безусловно. Под рукой у меня доклад студента IV курса Мещерякова. Здесь сказано, что есть передовое направление и есть реакционное направление. Здесь не упоминается имени С [ергея] Л [еонидовича] в качестве представителя реакционного направления. Но на вопрос: «К кому Вы относите С [ергея] Л [еонидовича]?» — он говорит: «Конечно, С [ергея] Л [еонидовича] я считаю нужным присоединить к Корнилову. Я прочитал статью Корнилова «Педагогическая психология», и я не видел различия между ними. Это одно и то же, только разная фразеология». Вслед за этим последовало другое заявление тов. Котова о том, что реакционное направление представлено в лице Рубинштейна. Конечно, все это не могло не принять характера дискредитации заведующего кафедрой. Я считаю, что это является необоснованным, неправильным, и мне кажется, что одна из причин того, почему все это создалось, — это известная оторванность кафедры от жизни студентов. А другое, как мне кажется, заключается и в некоторых идейных установках по ряду вопросов, которые имеют жизненно важное значение для психологического отделения.

Некоторые идейные установки. Вы говорите, что есть опасность отождествить психологию с историческим материализмом. Я бы сказал, что это не главная опасность. Почему? Очень хорошо было бы, если бы наконец некоторые наши психологи стали бы руководствоваться историческим материализмом и всерьез поняли, в каком взаимоотношении они находятся. Есть другое: есть отрыв психологии от идеологии, отрыв психологии от исторического материализма. Вот где, мне кажется, корень зла. С научной точки зрения непонятно, чем будет заниматься психология. А [лексей] Н [ико-лаевич] подчеркивает, что он пытается связать [науку] с жизнью, а С [ергей] Л [еонидович] уходит в собственно психологическую сферу, как-то замкнуто он понимает самую науку психологию, и, как они говорят, это похоже на буржуазную психологию. Так представляется это студентам.

Если взять Вашу книгу «Основы психологии» — это весьма абстрактный документ, и то, что там нет психологии

советского человека, самый факт говорит о себе. Это академизм. Когда я говорю: «А как «Основы общей психологии» представлены в курсе [?]», студенты отвечают: «К сожалению, это не определено. Мы это чувствуем, это нас не удовлетворяет. Поэтому мы бежим и стоим в очередь к А. Н. Леонтьеву, который пытается связать [психологию] с жизнью, с педагогической практикой». Вот как пытается объяснить студент.

Вопрос об идейных моментах значительно сложнее, чем он поставлен С[ергеем] Л [еонидовичем] или мной. Достаточно взять стенограмму последней дискуссии, где точка зрения С[ергея] Л [еонидовича] была представлена наряду с точкой зрения Леонтьева, и, конечно, нет ясности, например, по вопросу о деятельности, о понимании самой сущности и т. д. Многие вопросы требуют, чтобы кафедра их серьезно изучала. [...] Вы не выступили и не раскритиковали свою книгу, а студенты критикуют книгу по Вашим вопросам, но они не знают Вашей точки зрения. Люди думают, что Вы продолжаете оставаться на тех же самых позициях, которые изложены в книге. Вы говорите, что Вы [от них] отошли. Большой недостаток, что Вы не раскритиковали себя.

Ваша самокритика в этой части в высшей степени меня не удовлетворила, и оценку Вашей книги, как Вы ее дали, я ее не разделяю.

Что касается позиций Леонтьева, то А. Н. Леонтьев проделал большую эволюцию. С[ергей] Л [еонидовичи] вышел в основном со своей книгой «Основы психологии», а затем он утвердился своей работой «Основы общей психологии» в 1941 г. До этого момента было написано большое количество экспериментальных исследовательских работ. Он сперва, с большими ошибками, находился под влиянием ряда буржуазных психологических концепций, но он твердо шел по пути, который ведет к марксизму. Он стоит на правильном пути. В Вашей концепции немало серьезных и порочных положений, и не менее порочных, чем те, которые содержатся у А. Н. Леонтьева. Вот почему совершенно неправильно говорить о реакционном направлении и передовом. Говорят: мичуринское направление возглавляется Лысенко, а реакционно-вейсманистское возглавляется тем-то. Нет у нас Лысенко в психологии, такого передового направления, которое можно было бы противопоставить реакционному в области психологии, нет.

Комиссия не разделяет точку зрения, что есть два направления в психологии, что есть сложившаяся четко марксистская психология и есть другая, с ней борющаяся. Мы говорим: есть идейные ошибки как в той, так и в другой концепции и стоит большая задача преодоления этих ошибок и решительной борьбы с влиянием буржуазной психологии на советскую психологию. Это большая и серьезная задача. Советская психология сильно засорена буржуазным хламом, больше, чем любая другая наука, потому что это область очень сложная. В этом отношении кафедра может сыграть большую роль в борьбе с реакционной идеологией и этим самым оказать большую помощь нашей психологической науке и сыграть свою роль кафедры ведущей. И мне кажется, что это скажется сразу и на учебном процессе, на формировании наших кадров психологов в духе марксизма-ленинизма.

[А. Л.] Сидоров¹³. Я понял так, что есть две школы психологии: есть советская школа и есть буржуазная школа, и, несмотря на наличие серьезных ошибок советской психологии, она чем-то принципиальным отличается от буржуазной школы.

[С. Л.] Рубинштейн. Я понимаю дело так, что существует советская психология, которая коренным образом, принципиально отличается от буржуазной психологии, хотя советская психология, в том числе, делала идеалистические и другие ошибки. А точку зрения Георгиева я понял совершенно

определенно, когда он отказался ответить — есть ли Вейсман или нет? Он считает, что нет советской психологии, а есть советские психологи, которые стоят на позиции буржуазной психологии. Я принимаю это как клевету на советскую психологию в целом.

[Ф. И.] *Георгиев*. А кто Вейсман? Значит, Вейсмана нет.

[С. Л.] *Рубинштейн*. Я в своей формулировке ясно сказал.

[Ф. И.] *Георгиев*. Из моего краткого содоклада совсем не следует, что нет советской психологии. Я говорил о кафедре психологии Московского университета. Это — первое.

[А. И.] *Несмеянов*. Вы признали, что на кафедре МГУ сосредоточены лучшие советские силы.

[Ф. И.] *Георгиев*. Вы думаете, это не очень логично. Позвольте разъяснить, чтобы это было логичнее.

Я не отождествляю советскую психологию с С [ергеем] Л[еонидовичем] или с другим работником. Это есть один из работников психологического фронта. Вы намекнули, что вы выступали в докладе так, как это сделал Лысенко. Я не хочу сейчас оспаривать это положение, может быть оно имеет известное основание.

Я считаю, что у нас есть советская психология, ее нужно разрабатывать. Из того, что она есть, вовсе не следует, что нет идеалистических и метафизических извращений в работах отдельных психологов, и я говорил, что и в работах С [ергея] Л[еонидовича], и в работах А[лексея] Н[иколаевича] есть ошибки, и серьезные ошибки, и эти ошибки объясняются влиянием до сих пор буржуазных психологических концепций, ошибки, которые не определили на сегодняшний день точку зрения.

[Б. А.] *Кудряшов*¹⁴. В докладе профессора Рубинштейна было много уделено внимания разлагающей деятельности профессора Леонтьева на кафедре. Вы этот вопрос деликатно обошли. В чем дело?

[Ф. И.] *Георгиев*. Комиссия не считала возможным говорить в таких тонах и в такой форме, как говорил С[ергей] Л [еонидович]. Комиссия не располагает конкретными фактами такой деятельности, о которой говорил С [ергей] Л [еонидович]. Все, что говорилось, это идет по косвенным источникам. Написан доклад Мещерякова. С [ергей] Л [еонидович] утверждает, что это было санкционировано Алексеем Николаевичем. Никаких фактов, подтверждающих это положение, нет.

[А. Н.] *Несмеянов*. А он сам к этому как относится?

[Ф. И.] *Георгиев*. Он считает, что к этой ситуации, которая создалась, [он] решительно никакого отношения не им[еет].

[А. Н.] *Несмеянов*. Это есть отмежевание.

[Ф. И.] *Георгиев*. Да, это есть отмежевание. Это есть отмежевание, по его словам, от того, что ему приписывают и в чем он совершенно не повинен. «На теоретической конференции никого не было, позвали, говорит, и я приехал, поставили некоторые вопросы. В такой форме, что С [ергей] Л [еонидович] — это представитель реакционной психологии,— не было этого сказано». Мне нужно было говорить о другом. Были важные вопросы, которые были поставлены и которые обсуждались, а этот вопрос совершенно не выпячивался и не занимал важного места при обсуждении.

Объективных фактов, говорящих о деятельности, порочащей Сергея Леонидовича, комиссия не могла установить.

[А. Н.] *Несмеянов*. Есть вопросы? Нет вопросов. Кому желательно взять слово?

[А. А.] *Смирнов*¹⁵. И докладчик Сергей Леонидович и содокладчик охарактеризовали состояние работы кафедры в целом как такое, которое

требует к себе достаточно серьезного внимания.

Я остановлюсь на тех моментах, которые были освещены в докладе Сергея Леонидовича. Получается неприятное положение для нас, работников кафедры. Состав кафедры, несомненно, высококвалифицированный, но вся печаль в том, что те самые слова относительно кафедры, которые сказал Сергей Леонидович, в полной мере и в отношении к тем же самым людям могу повторить я как директор Института психологии и сказать, что в Институте психологии сосредоточены наиболее квалифицированные силы, и никакого расхождения не будет, потому что мы будем иметь в виду одних и тех же людей, потому что одни и те же люди и в Институте психологии, и на кафедре психологии. Различие в том, что на кафедре они являются [совместителями], а в Институте психологии они основные работники. Кафедра это в какой-то мере какая-то умпостигаемая величина, а не конкретно-реальная величина, работающая в качестве кафедры Московского университета. Если спросить [сотрудника кафедры], где работает, он скажет: в Институте психологии, в Академии общественных наук и, кроме того, читает лекции в университете по кафедре психологии. Это совершенно ненормальная позиция. И если нельзя привлечь профессорский состав, то нужно поставить очень серьезно вопрос об укреплении доцентского состава в том смысле, чтобы более двух человек состояли в штате кафедры и работали. Это серьезнейший вопрос. Отсюда проистекают и все нездоровые отношения, которые установились на кафедре. В самом деле, благодаря тому что нет основных кадров работников, студенты в значительной мере не получают того, что они должны были бы получать, и они в значительной мере предоставлены самим себе, и они с большой радостью откликаются на всякие предложения со стороны кого бы то ни было помочь им. А тут оказалось, что работником кафедры, который живо пошел навстречу запросам студентов, оказался А. Н. Леонтьев. Он очень внимателен и очень много сил и времени уделяет работе студентов.

Есть ли принципиальные разногласия внутри кафедры между А[лексеем] Н[иколаевичем] и Сергеем Леонидовичем? Никаких принципиальных разногласий нет. Никакой идейной борьбы, конечно, не существует. Мы очень хорошо и внимательно обсуждали работу С [ергея] Л[еонидовича] и работу А [лексея] Н [иколаевича], мы хорошо знаем того и другого по всем работам, и я думаю, что принципиальных разногласий здесь, несомненно, нет. Но есть некоторые моменты, которые нужно отметить. Кстати, по поводу того, что сейчас происходило. Филиппом Игнатъевичем был задан вопрос: «А есть ли Вейсман?» Я все-таки, Филипп Игнатъевич, думаю, что вам прямо нужно было ответить на этот вопрос. Речь шла о кафедре Московского университета и речь идет о противопоставлении передового направления какому-то реакционному направлению, и про реакционное направление говорится так, что это вроде С. Л. Рубинштейн. Так вы с этим согласны? Выходит так, что Леонтьев объявлен в кавычках Лысенко, а Рубинштейн — это есть Вейсман и т. д.

Сергей Леонидович сказал, что в его книге указывается в общей форме, по отношению к человеку, на развитие психики, и он говорит, что и у А. Н. Леонтьева такая же позиция. Сергей Леонидович указал на этот тезис. Но дальше это никак не конкретизировано. А[лексей] Н[иколаевич] пытался встать на путь конкретизации, но вместе с тем нужно сказать, что, вступив на путь конкретизации этого положения, он, безусловно, вступил не на вполне правильный путь. И это было сказано в документах дискуссии его работы. Действительно, моменты структурализма свойственны [ему] здесь. И это явилось одним из моментов, который сыграл существенную роль как [нечто] притягивающее [студентов] к Алексею Николаевичу. Алексей Николаевич Леонтьев очень заботливо к ним относится, но они почувствовали, что здесь попытка что-то конкретно сказать. У студентов создалось абсолютно неправильное представление о том, что

А[лексей] Н[иколаевич] — это есть знамя чего-то передового, а Сергей Леонидович — это есть что-то отсталое, реакционное. Нужно рассеять это неправильное представление у студентов, но вместе с тем нужно разъяснить, что это получается в результате того, что много [внимания] уделял профессор Леонтьев своим студентам.

Я думаю, что именно отсутствие принципиальных разногласий должно вести к тому, что нужно принять организационные меры по устранению той нездоровой обстановки, которая создалась на отделении, но я не решился бы обвинить ни Сергея Леонидовича, ни Алексея Николаевича.

Когда Сергей Леонидович говорил об отсутствии А. Н. Леонтьева, то это отсутствие вполне оправдывающееся: он находится в командировке в Ленинграде и его отсутствие является совершенно законным.

Как нужно дальше оздоровить обстановку на кафедре? Никаких мер к самой кафедре предпринимать не нужно, это изживается внутри кафедры. Но нужно создать определенное отношение со стороны студентов к кафедре. Я не знаю, каково отношение студентов к Сергею Леонидовичу, но то, о чем сейчас говорилось, это очень печальное отношение, и вместе с тем оно неправильное отношение, и нужно принять меры, чтобы оно изменилось. Это основная задача, которая стоит.

[А. Г.] *Комм*[16](#). Я один из тех совместителей, которые работают на кафедре психологии.

Остановлюсь на двух вопросах. Первый вопрос — это вопрос о том, что на кафедре не обсуждаются теоретические вопросы курса или проблемы общей психологии. Несмотря на то, что на кафедре много профессоров и доцентов, которые ведут самостоятельные курсы, на кафедре почти никогда не обсуждались вопросы теоретических курсов, между тем, насколько я в курсе дела и представляю себе, какие-то разногласия в трактовке отдельных вопросов теоретического курса все-таки имеются. Желательно для выработки единых положений и коррективов договориться по основным теоретическим вопросам общих проблем психологии.

Второй вопрос, на котором я хотела бы остановиться,— это вопрос, который у нас всплыл на узком заседании кафедры, это вопрос относительно экспериментально-исследовательской работы студентов. Я бы хотела возразить, что работа шла самотеком. Я работаю по экспериментальной психологии со студентами и должна сказать, что время от времени заведующий кафедрой нас созывает и проводит обсуждение. На одном из последних совещаний по экспериментальной психологии речь шла о том, что у преподавателей возникает впечатление, что у студентов IV курса отношение к своим работам гораздо хуже, чем у студентов других курсов, в частности у III курса. Передо мною товарищ, который выступал на этом заседании, связывал это неблагоприятное положение с экспериментальной работой, с тем неблагоприятием, о котором сегодня говорилось. Поскольку у товарища складывается убеждение, что неблагоприятное положение со студентами на отделении сказывается на учебной работе, постольку этот вопрос приобретает большую остроту и стоило бы это отношение как-то переломить.

[М. Г.] *Ярошевский*[17](#). Я старший преподаватель Института психологии, Несомненно, что положение на психологическом отделении в течение нескольких месяцев совершенно неблагоприятное и закрывать на это глаза нельзя. Систематически, в течение нескольких месяцев мне приходится слышать на разных собраниях и лично от некоторых студентов о том, что на факультете заведующий кафедрой является представителем реакционного направления советской психологии, что его книга представляет продукт буржуазной

психологии, немарксистской психологии, причем такие заявления встречаются и на студенческих совещаниях, и в печати, и мне кажется, не может быть, чтобы такое положение сложилось совершенно стихийно, само собой произошло: студенческая масса возмутилась против заведующего кафедрой, увидела в нем вождя реакционного направления и подняла против него бунт за знамя передовой советской психологии. У меня нет никаких оснований утверждать, что зачинщиком является профессор Леонтьев. Лично из уст профессора Леонтьева мне не приходилось слышать, что Рубинштейн является представителем реакционного направления в психологии. Но нельзя закрывать глаза на то, что такая кампания против профессора Рубинштейна ведется систематически. Нужно, чтобы общественные организации университета установили, где же причина эта была. Филипп Игнатьевич в своем сообщении не ответил на этот вопрос. Он сказал, что причина заключается в том, что Сергей Леонидович Рубинштейн отгорожен от студенческих масс, что между ним и студенческой массой существует некоторый барьер. Действительно, Сергей Леонидович ведет огромную работу, ему приходится часто давать консультации студентам, и, очевидно, со всеми студентами психологического отделения ему не удастся поддержать контакта, и, может быть, здесь сказываются [эти] особенности.

Профессор Георгиев указал второй причиной идейные установки. Профессор Смирнов правильно сказал, что не существует принципиальных психологических концепций Рубинштейна и Леонтьева, которые были [бы] противопоставлены друг другу. Хотя профессор Леонтьев и встал одним из первых на путь конкретизации общего марксистского положения, все же он допустил крупные ошибки: он встал на путь формализации психологического исследования и сам осознает эти ошибки сейчас. Между тем та неблагоприятная обстановка, которая сложилась, заключается в том, что ошибки, которые делаются, не рассматриваются критически. На курсе психологии я слышал такое заявление. Мы разбираем вопрос о классовых предпосылках, которые породили [вульгарно-материалистическую] систему Демокрита. Я спрашиваю: «Каковы позиции нашей новой советской психологии в свете которой мы должны рассмотреть критически Демокрита?» Он отвечает: «Мы должны рассмотреть структуру сознания и определить, каковы же психологические, философские воззрения Демокрита». Я не хочу сказать, что это сказал А. Н. Леонтьев. Но факт, что в умах студентов существует такое представление и никакого отпора со стороны ряда преподавателей это явление совершенно не находит.

О том, что здесь мы имеем не просто стихийное возмущение против Рубинштейна, а определенную тенденцию, свидетельствует тот факт, что в течение многих собраний мы слышим, что «довольно нам «жевать»,— как заявил один студент,— это старое начало, пора нам бросить эти книги, надо вооружиться произведениями классиков марксизма-ленинизма и идти непосредственно в жизнь и там изучать психологию», т. е. мы имеем явно левацкие тенденции, которые не встретили отпора на факультете. Очевидно, кроме вреда, это ничего принести не может. Стенгазеты, выходящие на факультете, из номера в номер тенденциозно сообщают, что делается. «Неправильно освещены итоги дискуссии по книге Леонтьева, не поместив выступления члена кафедры Смирнова¹⁸, не поместив аспиранта Антонова¹⁹...» (*Реплика*) с места: Вы плохо читаете газеты.)

*Якушин*²⁰. Первый номер не содержал выступления члена кафедры. Это свидетельствует о том, что мы имеем какую-то определенную тенденцию. У меня нет никаких оснований сказать, что я действительно могу засвидетельствовать, что А. Н. Леонтьев проводит эту тенденцию. Но эта тенденция

имеется. Но до тех пор, пока будет существовать такое отношение Леонтьева к Рубинштейну, до тех пор, очевидно, никакой здоровой атмосферы на факультете не возникнет.

Известную роль в создавшейся обстановке сыграла и лично тов. Наматевс, ибо все ее выступления и отдельные реплики и выступления студентов, все они встречали с ее стороны отпор, и она видела в этих выступлениях чуть ли не выступление против политики большевистской партии, что, конечно, неправильно.

Должны быть приняты решительные меры для оздоровления обстановки на факультете.

[З. И.] *Наматевс*. Я должна сказать по ходу выступления, что я никакой реплики не дала, я на теоретической конференции не была.

Дело не в теоретических спорах между Леонтьевым и Рубинштейном. Если говорить о студенчестве, то студенчество в равной степени относится и к работам Леонтьева, и к работам Рубинштейна, весьма объективно в основном. Если говорить [о том, что] меня называют ученицей Леонтьева, то я далека от этого. Вся наша студенческая печать прежде всего бьет по Леонтьеву. Все последние [три] номера посвящены разбору работы Леонтьева, и как раз все работники кафедры написали свои заметки.

Мне пришлось удержать студентов, когда ко мне обратились как к парторгу отделения с таким заявлением: «Мы будем писать в ЦК письмо о работе нашей кафедры, потому что мы подходим к выпуску и мы не знаем психологии и с чего начинать работать: одни преподаватели говорят об одном, другие о другом и у нас нет конкретного представления». Это говорит о том, что назрела такая ситуация, которая, собственно говоря, я вылилась в это письмо Сергея Леонидовича. Иначе и быть не могло. Иначе получилась здесь какая-то оппозиция и, с другой стороны, тоже оппозиция. Почему так получилось? [...] Уже пятый год существует кафедра, и нет настоящего учебного плана. V курс — дипломники. Полтора месяца мы болтались, и ничего не делалось. Это в порядке вещей. Сдают экзамен и для смеха латынь, а в конце года они будут восемь экзаменов сдавать. Физиология высшей [нервной] деятельности читается раньше, чем психология. Разве это порядок? К концу пятого года студенты приходят, не зная психологии. Был у нас практикум, и мы должны были лазить по всем книгам.

Я хочу сказать, что, пока не наладится прежде всего учебный процесс и студенты не почувствуют, что они учатся, до тех пор [такое] положение будет продолжаться. И дело не в тенденциях и не в теоретических разногласиях. Может быть, грубо получается, но здесь виноваты и заведующий кафедрой, и преподаватели. Вы же контролируете нас, вы же пропустили доклады, вы же читали тезисы, против которых вы сейчас восстали! Не надо было их пропускать.

Теперь об аспирантах. [По работе] в студенческой среде кафедра нам существенно не помогала. Я приглашаю Сергея Леонидовича побыть на партийном собрании, чтобы человек почувствовал, что существует ненормальное положение на факультете. Ничего не вышло. Мне поручило партбюро познакомиться с работой аспирантов. [...] Я пошла этих аспирантов обрабатывать, я с ними поговорила, и какие от них я услышала ответы. Машкевич²¹ мне заявил: «Лысенко, он, может быть, и прав, но все-таки он оклеветал Шмальгаузена». Декан говорил, что «психология никакого отношения не имеет к перспективе». Спрашивается: это на студентов не влияет? Безусловно, влияет, и в большой степени.

Анатолий Александрович сказал, что студенты [выдвинули] инициативу. Может быть, много ошибок делается, но все-таки это всколыхнуло студенчество. У нас было организовано три конференции. У нас начали работать научно-теоретический кружок, газета и журнал. Здесь переплетались вопросы теоретические с вопросами организационными,

и я думаю, что прямого отнесения не было. Когда речь шла о теоретическом вопросе, то получался переход на организационные вопросы. Как только на организационные вопросы перешли, начинается критика и т. д.

Студентов образумить — это не стоит большого труда, и я уверяю вас, студенты не настолько одурачены, что они не понимают, где правая и где левая сторона. Дело здесь в другом: создать на кафедре самый настоящий коллектив. Я обращаюсь к президиуму ученого совета: на первых порах дать нам на факультет зам. декана по психологическому отделению. Философский факультет существует где-то, Психологический институт — где-то, а кафедра — где-то, и единого руководства не было, и получился разрыв между отделением факультета и кафедрой.

Котов сказал так, что «и в психологии есть идеалистические тенденции, которые необходимо изживать, и кафедра не борется с ними в полной степени». Вот каков был смысл.

[А. В.] *Запорожец*²². Доклад и содоклад, которые были сделаны, показывают, что положение на кафедре неблагоприятное. Все об этом говорят [и на это] указывают.

От чего зависит это неблагоприятие? Если и существовали споры и разногласия между Сергеем Леонидовичем [Рубинштейном] и Алексеем Николаевичем Леонтьевым, то ни разу мне не приходилось столкнуться ни на кафедре, ни на заседании отделения [с тем], что Алексей Николаевич противопоставлял себя как представителя передового учения ему как представителю реакционного учения. Если студентами это было воспринято неверно, то это не столько является причиной, сколько является каким-то симптомом неблагоприятного положения на кафедре в следующем отношении.

У нас получается такое положение, что кафедра состоит из очень квалифицированных работников и дело заключается не только в том, что они квалифицированные в другом месте, а здесь они не работают. Я знаю, что ряд товарищей очень много работает над своими курсами и руководствами студентов, над дипломными работами и т. д., но они отвечают за один участок своей работы, а когда собирается кафедра, то, как сказал один из работников, это собрание единоличников, а не колхозное собрание. И сама постановка сегодня вопроса на ученом совете об этом свидетельствует. Почему кафедра сама не обсудила эти вопросы раньше? Если Леонтьев ведет неправильную линию и неправильно ориентирует студентов, то почему, прежде чем обратиться в верховный орган университета — президиум, кафедра сама не обсудила этот вопрос? Если были бы непреодолимые трудности, то нужно было бы ставить вопрос дальше.

У кафедры сложные задачи. Эти вопросы она может решить как коллектив. И вот создание такого коллектива является, как мне кажется, решающей задачей. В том, что такого коллектива нет, виноваты все работники кафедры. Но в первую очередь виноваты Сергей Леонидович и наши руководящие работники. В последнее время не уделяется должного внимания кафедре. Эта проблема организации жизни кафедры, которая могла бы и поставить коллективную научную работу, и вовлечь студентов и коллективно решать проблемы и задачи, стоящие перед психологическим отделением, является одним из моментов в разрешении данного вопроса.

[Д. А.] *Кутасов*²³. Есть ли у нас советская психология? Есть советская психология советских людей, которая подлежит изучению? Есть, она сложилась. Есть и советская психология в качестве науки, которую мы должны изучать. И мне кажется, что эта наша советская психология отличается от

буржуазной. Но в чем причины того положения, которое сложилось? Психологическое отделение выросло и количественно и качественно, оно превратилось по существу в маленький факультет. Это отделение выросло и по количеству, и по запросам, и по потребностям, а кафедра от организационной и учебной работы отстала. Когда отделение было маленькое, три — четыре года тому назад, кафедре уделяли большее внимание. Отделение выросло. Причины? Прошла философская дискуссия, прошла дискуссия биологов. Естественно возросли потребности, запросы, критический дух студентов вырос, требования. А мне кажется, что кафедра несколько отстала в своей организационно-методической учебной работе от повышенных требований отделения. Те трудности, которые стоят на психологическом отделении,— это противоречия и трудности роста отделения. У нас на кафедре психологии дружного сплоченного коллектива до сегодняшнего дня нет. Мы пытались принимать меры. Говорилось о трениях и т. д. Обязались выполнить решение о дружности в работе, и, к сожалению, эта дружная работа недостаточно организовалась. Кафедры нет как дружного сплоченного коллектива, и здесь основная вина падает на заведующего. Сергей Леонидович просит у нас поддержки и защиты. Это хорошо. Но если бы на кафедре было обеспечено подлинное единоначалие, если бы руководитель кафедры вникал во все мелочи жизни кафедры, проверял бы работу преподавателей, ставил бы спорные вопросы, которые возникают в процессе работы, на обсуждение самой кафедры, то, мне кажется, что такой коллектив был бы создан.

Конкретно ваша книга обсуждалась, были рецензии, но на кафедре и на отделении об итогах дискуссии вы вопроса не поставили. На отделении итоги дискуссии кафедрой не были поставлены. Раз этого кафедра не делает, то вполне естественно, начинают делать другие организации — студенческие организации, партийные и т. д.

Наши общественные организации допустили некоторую ошибку. После биологической дискуссии пошла линия везде искать Лысенко и противоположные ему линии. Мне кажется, что здесь немножко механически подошли к вопросу. Начали механически наклеивать ярлыки и направо и налево, вместо того чтобы конкретно, по существу рассмотреть этот вопрос.

Мне кажется, многие и многие недостатки упираются в недостаточное организационно-методическое, повседневное оперативное руководство кафедрой Сергеем Леонидовичем. Вас ругают, критикуют, несправедливо обзывают, и вы, как заведующий кафедрой на этих конференциях присутствующий, вы должны были отстаивать правильную точку зрения.

([Реплика] с места. Я это делал.)

Очевидно, нужно было делать достаточно убедительно, чтобы вести за собой студентов. Я должен прямо сказать, что вы больше обороняетесь от тех неполадок, которые имеются, чем ведете коллектив. Это нужно делать в порядке руководства.

В качестве одной из причин, чисто организационной, является следующее обстоятельство: в первые годы кафедра выделила специального работника по руководству отделением. Тов. К[омм] заведовала отделением, она оперативно следила за прохождением лекционных курсов и выполнением учебных планов и т. д. Но в последнее время кафедра не поручала этой работы отдельному работнику, хотя бы на полставки. Тов. Гальперин работает недостаточно. Тот факт, что нет программы по истории психологии, не обеспечены специальные курсы и семинары, в огромной степени зависит от того, что кафедра как коллектив недостаточно организована в работе.

За последнее время возник известный разрыв и даже отрыв, нет контакта между кафедрой и студентами.

Если бы профессора кафедры и в первую очередь заведующий кафедрой чаще бывали на факультете, ближе стояли к студентам (надо сказать, что проф. Леонтьев чаще бывает, он руководит повседневной работой), мне кажется, что многие недостатки тогда были бы изжиты.

Принципиальных расхождений, которые могли бы сказать, что у нас на кафедре есть два лагеря — прогрессивный и реакционный, мне кажется, нет, У нас есть советская психология, есть у работников очень серьезные ошибки. Тов. Наматовс, она сейчас так говорит, но в первую очередь нападки шли по книге Рубинштейна. А относительно критических замечаний проф. Леонтьева? Ведь книгу Леонтьева резко критиковали, появилась в журнале серьезная рецензия. И мне кажется, что партийная организация отделения заняла несколько однобокую позицию в этом вопросе: есть известный перегиб в критике ошибок тов. Рубинштейна и обхождение острых углов и ошибок, которые имеются у тов. Леонтьева. В работе Леонтьева есть целый ряд ошибок, которые нашли критику и в дискуссии, и в печати. Мне кажется, что здесь не нужно было бы занимать однобокую позицию. Критика есть критика для всего факультета.

Меня беспокоит одно: как исправить существующее положение?

Нужно принять соответствующее решение, где оценить создавшееся положение, указать отрицательные моменты и выход из положения и обязать кафедру и общественные организации факультета навести должный порядок.

Необходимо, чтобы руководство кафедрой более оперативно, более единоначально и более настойчиво проводило ту работу, которая [ему] положена.

[А. Л.] Сидоров. Еще до организации комиссии мне пришлось со студентами, работниками кафедры и с представителями парторганизации предварительно проконсультироваться и проверить, насколько основательны те положения, которые изложил руководитель кафедры. Я очень доволен, что мне удалось переговорить с профессорами Тепловым, Леонтьевым и с Рубинштейном, и со Смирновым, удалось [...] поговорить вместе с ними и урегулировать вопросы, касающиеся идеологической стороны работы кафедры.

В результате у меня складывается два вывода. Первый вывод о том, что организационное руководство кафедрой неудовлетворительное и не обеспечивает действительного повседневного контроля и перестройки работы под углом зрения [ее] связи с изучением психологии советского человека, организации новых лабораторных баз; в этой части совершенно бесспорный вывод. В организационной части руководство кафедры довольно слабое, и в этом отношении кафедре нужно помочь. Не только поправить, но задача заключается в том, чтобы одновременно помочь руководителю кафедры. Нужно усилить организационную работу на кафедре, которая очень сложна и которая охватывает два отделения — философский и филологический факультет, и, по сути дела, один Сергей Леонидович не может справиться. А если он должен справиться, то он должен бросить всю научно-исследовательскую работу в МГУ.

И второе. На кафедре создалась такая обстановка, которая исключает дальнейший авторитет руководства кафедры, если мы не исправим тех высказываний, которые имеются среди общественных организаций и студенческой массы. В этой части больше всего повинна Наматовс. Повинен и деканат, который, зная реагирование, своевременно не вмешался и не постарался проверить, что случилось. Наша система такова, что заведующий кафедрой может руководить, опираясь на помощь общественных организаций, а не противопоставляя себя партийной организации. А у нас сложилось: заведующий кафедрой — авторитетный ученый и с другой стороны — Наматовс, которая решает вопрос по принципу голосования. Можно ли при таком условии руководить? Нельзя. Если общественные организации правы, тогда нужно сменить руководство и поставить нового человека, а если они не правы, то нужно поправить общественные организации.

В результате целого ряда обследований и работ комиссия подошла очень внимательно [к обсуждаемому вопросу]. Тов. Георгиев много сил и труда потратил, чтобы разобраться

в обстановке. Объективно на кафедре, и среди профессуры, и среди студентов, существует положение, когда одну часть кафедры [называют] представителями прогрессивной науки, а другую часть — представителями реакционной науки. Правильно ли это объяснение?

Дело здесь не в том, что один студент в своем докладе на теоретической конференции в присутствии заведующего кафедрой объявляет его представителем реакционной точки зрения. Но дело в том, что сама тов. Наматевс стоит на этой же точке зрения. Нужно правильно понять сложившуюся идейную жизнь кафедры и те течения, которые имеются в советской науке.

Правильна ли Ваша характеристика, что нет советской психологической науки, а есть засилие буржуазных взглядов в советской психологической науке? И, оказывается, кто же представитель этой науки? — Рубинштейн! Вы же сами это написали.

Нужно, чтобы тов. Наматевс поняла, как она руководит студенческим коллективом для того, чтобы выправить настроение среди студентов. Я не берусь решать, от кого идет эта точка зрения.

Допускаю, что при сложившейся данной обстановке и характере тех ошибок, которые делает сам Леонтьев, эта точка зрения идет от Леонтьева, хотя сам Леонтьев в узком собеседовании категорически отрицает, что он в какой-то мере склонен рассматривать так Сергея Леонидовича. Руководитель общественной организации стоит на этой неправильной точке зрения, не получив отпора со стороны декана философского факультета и со стороны секретаря партийного комитета.

Сложилась обстановка, когда Сергей Леонидович просит: помогите или ставьте другого человека.

Я думаю, что Сергею Леонидовичу нужно помочь в идейном отношении путем более серьезной критики тех ошибок, которые он сделал, которые он признает, но критики которых публично, развернуто не сделал после издания книги. И что особенно важно, в идейном отношении не делалось принципиальных постановок вопросов о тех путях, по которым должна вестись исследовательская работа на кафедре после кардинального переворота, который наша наука пережила в связи с докладом тов. Лысенко. Книга, написанная в 1940 г. содержала крупнейшие ошибки и переиздана в 1946 г. с рядом крупнейших ошибок. Вы не напечатали ни одной статьи, в которой бы указали, какие взгляды в Ваших собственных работах Вы осуждаете и как Вы намерены дальше двигать нашу психологическую науку. Этот момент, что Сергей Леонидович запоздал с широкой самокритикой, он и кафедру недостаточно ориентировал идейно, чтобы выхватить ошибочные формулировки.

Я думаю, что помимо помощи Вам по линии организационной президиум ученого совета должен потребовать от Вас более смелой идейной самокритики. Сборнику нужно придать большее принципиальное значение. Нужно дать для советской общественности те идейные позиции, на которых Вы будете строить научно-исследовательскую и преподавательскую работу кафедры в настоящее время.

Ошибки Сергея Леонидовича и ошибки профессора Леонтьева — ошибки серьезные. Члены кафедры уверяют, что они сделали эти ошибки, нужно, чтобы они были осознаны и раскритикованы.

Одного ли характера эти ошибки? В частности, у части студентов сложилось отрицательное отношение к эксперименту, поскольку этот эксперимент не связан с изучением психологии советского человека, а является той предварительной технической базой и школой, которая, конечно, недооценивается. Недооценивается, может быть, в связи с характером взглядов Леонтьева.

У меня осталось впечатление, что среди части студенчества и профессоров делового, настоящего, правильного поворота [к работе] кафедры на основе широкого развертывания экспериментальной работы, связанного с изучением различных прослоек — возрастных и т. д. — нет. Эта реальная деловая перестройка ведется очень медленно.

Мы в своих предложениях, согласованных в комиссии, с которыми я

также целиком согласен, больше внимание отдали критической части, где констатировали сложившуюся обстановку, где оценили как положительные моменты, так и отрицательные в работе кафедры. Отметим характер ошибок Леонтьева и Рубинштейна, но наши предложения в части практической не носят исчерпывающего характера.

Мы считали возможным немедленное выделение заместителя для повседневной организационной работы. Нельзя требовать, чтобы профессор обеспечивал идейную работу, вел практическую преподавательскую работу и следил бы еще за массой организационных дел.

Наши пожелания об организации опорных баз в школах изложены в декларативной форме — как желательное мероприятие, а не как практическая директива.

Резюмирую. Ошибки имеются и у проф. Рубинштейна и у Леонтьева; поскольку обе стороны признают сами эти ошибки, нужно потребовать, чтобы они были раскритикованы.

Во-вторых, эти ошибки не дают никакого основания преподнести профессора Рубинштейна в качестве представителя не советской, а буржуазной психологии. Это должно быть решительным образом отмечено. Мы должны оказать организационную и идейную помощь профессору Рубинштейну, чтобы он смог развернуть работу в соответствии с возросшими качественными и количественными задачами, которые встали перед отделением.

[Ф. И.] *Георгиев*. Анатолий Александрович просил сказать точно и определенно, думаю ли я что на кафедре психологии есть Вейсман. Я определенно отвечаю, что на кафедре психологии Вейсмана нет. Необоснованно обвинение Сергея Леонидовича в том, что он возглавляет реакционный лагерь в науке; об этом сказано и в прилагаемом проекте.

[А. Н.] *Несмеянов*. Доклад Сергея Леонидовича, несмотря на то, что он занял большое время, был несколько уже своей темы. Мы почти ничего не слышали об учебной и научной работе, не слышали об аспирантах, и главная часть внимания сосредоточилась на тех внутренних принципиальных и непринципиальных спорах, которые там иногда происходят, что в высокой степени демонстрирует болезненность [положения] на кафедре.

В обсуждении этого вопроса мы вышли за рамки кафедры. Перед нами встали вопросы отделения, и я думаю, что нам придется вернуться к рассмотрению работы отделения, может быть поставив вопрос на президиуме ученого совета через некоторое время, с тем чтобы посмотреть, как нужно выправлять положение.

Вывод такой, что нет глубоко принципиальных разногласий. Но есть большие или меньшие поиски нового. И с этой точки зрения профессор Леонтьев ищет это новое, и это мы ему в вину поставить не можем. Другой вопрос — вопрос о взаимоотношениях с руководством кафедры, о том, что не следует ошибки друг друга превращать в повод для междоусобной войны и т. д. Ошибки эти есть с обеих сторон. Наличие этих ошибок особенно свидетельствует о необходимости дружной и налаженной научной работы кафедры.

Нужен научный стержень этой работы, объединяющий работу кафедры. Здесь это требование выступает с особой силой, ибо здесь некоторое неблагополучие жизни кафедры стирается. В частности, эти [задачи] поиска правильной методологической основы советской психологии кому же и решать, как не коллективу МГУ, который все характеризовали как коллектив чрезвычайно сильный. Вот вам стержень, но нужно, чтобы этот стержень был действительно как стержень.

Значительное число работников кафедры являются совместителями, ведущими научную работу вне кафедры, не по ее стержню и тематике. В другом случае это не такое страшное обстоятельство, потому что все эти работники входят и в состав другого коллектива — коллектива научного Института психологии, находящегося здесь же, на этой территории, и ведут эту научную работу. Нельзя нам встать на точку зрения, что это работники

другого ведомства, наоборот, мы должны использовать это обстоятельство как счастливое обстоятельство.

В чем основная задача научной работы кафедры психологии? В том, что на этой научной работе мы должны растить студента и делать его научным работником. Если территориальные или другие обстоятельства, например совместительство, не позволяют у нас в пределах самой кафедры развернуть эту работу, то есть все возможности договориться с Институтом психологии, чтобы использовать это как совместную базу для работы, не замыкаясь внутри кафедры. Такие возможности, несомненно, есть. Институт психологии может только выиграть, если волна молодежи туда бы попала. Другие кафедры используют академические институты для научной работы студентов. Здесь есть все объективные условия для того, чтобы эту научную деятельность наладить полным ходом и на основе научной работы, вооруженной марксистско-ленинским методом, строить советскую психологию и растить на этом студентов. Это основная задача.

Я согласен с высказыванием А. Л. Сидорова, в частности в той его части, которая касается руководства партийной организации отделения. Но освещать этот вопрос — дело партийных организаций.

Руководство кафедрой психологии. Сергей Леонидович сам недостаточно близок к студенту. Я понимаю, что для этого есть определенные отрицательные предпосылки, они должны быть уничтожены. Эта близость к студенчеству — определенное условие качества работы кафедры. Эта близость профессора и студента есть наше завоевание, это позиция, на которой мы должны стоять. Это не всегда просто дается, и, чтобы достигнуть этого, не жалко потратить большой труд.

Я согласен с тем, что и большая работа по сплочению коллектива должна была бы принадлежать руководителю кафедры. Инициатива должна быть бы принадлежать кафедре и ее руководителю, и она не должна была бы быть выпущена из этих твердых рук.

Всяческая жизнь этой кафедры — научная, методологическая, методическая, она беднее пока того, чем она должна была бы быть. С этой точки зрения хотелось, чтобы обсуждение не прошло бы бесплодно, но то, что должно быть слажено, должно быть слажено всеми сторонами.

Из организационных мероприятий — нужен заведующий отделением. Много зла идет от организационной неясности. В системе Министерства высшего образования нет такой единицы — заведующего отделением. Будем просить.

Перейдем к резолюции. (Читает резолюцию.)

Нужно уточнить вопрос с помещением.

Я бы добавил о необходимости использовать Институт психологии Академии педагогических наук как базу для совместной работы.

[А. А.] Смирнов. Это можно только приветствовать.

[А. Н.] Несмеянов. Внести пункт о необходимости добиться заведующего отделением.

Есть какие-нибудь замечания?

[Д. А.] Кутасов. Решение президиума совета нужно обсудить на собрании коллектива, как кафедры, так и среди студенчества, чтобы разрядить создавшуюся обстановку. ([Замечание] принимается.)

[А. Н.] Несмеянов. С этим вопросом мы покончили. Переходим к текущим делам.

(Окончание следует)

- [1](#) Наука сегодня: Ежегодный справочник. Вып. 16. М., 1988. С. 292.
- [2](#) Несмеянов Александр Николаевич — академик, ректор МГУ, председатель Ученого Совета университета.
- [3](#) Рубинштейн Сергей Леонидович — профессор, заведующий кафедрой психологии философского факультета МГУ.
- [4](#) Леонтьев Алексей Николаевич — профессор кафедры психологии философского факультета МГУ по совместительству.
- [5](#) Смирнов Михаил Израилевич — окончил аспирантуру психологического отделения философского факультета МГУ 1 декабря 1948 г. (научный руководитель С. Л. Рубинштейн); защитил кандидатскую диссертацию 14 октября 1949 г.
- [6](#) Гальперин Петр Яковлевич — доцент кафедры психологии философского факультета МГУ.
- [7](#) Никифорова Ольга Ивановна — и. о. доцента кафедры психологии философского факультета МГУ.
- [8](#) Мещеряков Александр Иванович — студент IV курса психологического отделения философского факультета МГУ.
- [9](#) Наматевс Зинаида Ивановна — студентка V курса психологического отделения философского факультета МГУ, секретарь партийного бюро психологического отделения.
- [10](#) Никитин Петр Иванович — аспирант 2-го года обучения кафедры логики философского факультета МГУ, секретарь партийного бюро факультета.
- [11](#) Котов Николай Иванович — аспирант 2-го года обучения кафедры диалектического и исторического материализма философского факультета МГУ, представитель партийной организации факультета.
- [12](#) Георгиев Филипп Игнатьевич — профессор кафедры диалектического и исторического материализма философского факультета МГУ.
- [13](#) Сидоров Аркадий Лаврович — профессор, заведующий кафедрой истории СССР исторического факультета, проректор МГУ по научной работе.
- [14](#) Кудряшов Борис Александрович — профессор кафедры биохимии животных биологического факультета, директор НИИ зоологии МГУ.
- [15](#) Смирнов Анатолий Александрович — профессор, директор НИИ психологии АПН РСФСР, старший преподаватель кафедры психологии философского факультета МГУ по совместительству.
- [16](#) Комм Анна Григорьевна — доцент кафедры психологии философского факультета МГУ по совместительству.
- [17](#) Ярошевский Михаил Григорьевич — старший преподаватель кафедры психологии философского факультета МГУ по совместительству.
- [18](#) Речь идет о А. А. Смирнове — *Ред.*
- [19](#) Антонов — архив и редакция не располагают сведениями об этом аспиранте.
- [20](#) Якушин — архив и редакция не располагают сведениями об этом участнике заседания.
- [21](#) Машкевич — архив и редакция не располагают сведениями об этом аспиранте.
- [22](#) Запорожец Александр Владимирович — доцент кафедры психологии философского факультета МГУ по совместительству.
- [23](#) Кутасов Дмитрий Алексеевич — доцент кафедры диалектического и исторического материализма философского факультета МГУ, декан философского факультета.

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ С.Л. РУБИНШТЕЙНА

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ:

О ТОМ, КАК БЫЛ УВОЛЕН С.Л. РУБИНШТЕЙН

(ИЗ АРХИВА МГУ)

(Продолжение. Начало см. в № 4 за 1989 г.)

Этот материал является окончанием приуроченной к 100-летию со дня рождения С.Л. Рубинштейна публикации (начало см. № 4 за 1989 г.). Он представляет собой стенограмму (и некоторые другие документы) заседания ученого совета философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, состоявшегося 12 апреля 1949 г., на котором было принято решение об отстранении профессора С.Л. Рубинштейна от заведования кафедрой психологии. Публикуемый текст отражает содержание выступлений и обсуждений второй половины заседания, которое происходило не в один день. Первая половина по неизвестным причинам в архив МГУ не поступила и, по-видимому, не сохранилась.

Остаются в силе примечания к тексту первой части публикации; особенностью этой части является то, что опущен значительный объем текста, содержащий критику взглядов профессора кафедры диалектического и исторического материализма З.Я. Белецкого и полемику вокруг этого вопроса, т.е. то, что не имеет непосредственного отношения к теме нашей публикации. Вместе с тем мы сохранили вводные к заседанию выступления (Соколова и А.Н. Скворцова), в которых присутствуют важные, на наш взгляд, общие определения, открывающие логическое пространство «жанра», подчинявшего себе так или иначе выступления всех участников заседания.

Стенограмма заседания, ученого совета философского ф-та Московского государственного университета

12 апреля 1949 г.

(продолжение)

Председатель — проф. [Берестнев1](#). Продолжаем наше обсуждение.

[Тов. Соколов2](#). Вопросы борьбы с реакционной идеологией космополитизма, волнующие всю нашу советскую общественность, особенно остро стоят перед нами, работниками идеологического фронта.

Борьба с реакционным космополитизмом, являющаяся борьбой за пламенный советский патриотизм, выдвигается сейчас в качестве одной из важнейших задач и перед работниками философии. В борьбе против космополитизма мы применяем сейчас наше идейное оружие, и в этом свете мы перестраиваем всю нашу работу.

Обсуждение редакционных статей «Правды» и «Культуры и жизни» на ученом совете философского факультета Московского университета имеет первостепенное значение в деле борьбы

гносной идеологии космополитизма, учитывая то огромное, может быть исключительное, место, которое занимает философский факультет университета в системе подготовки философских кадров в нашей стране.

Не случайным является и то обстоятельство, что в настоящем обсуждении вопросов борьбы с космополитизмом основное внимание уделяется работе кафедры диалектического материализма, кафедре марксистско-ленинской философии, которая должна быть ведущей на факультете и должна задавать тон во всей теоретической жизни факультета. Так должно быть, но, как показывает уже и настоящее обсуждение и весь опыт, вся работа философского факультета не так обстоит в действительности. В действительности работа кафедры диалектического материализма самое слабое место работы философского факультета. Более того, именно на этой кафедре допущены наиболее крупные промахи и провалы, последствия которых самым отрицательным образом сказываются не только в деятельности факультета. Когда вне университета говорят о кафедре диалектического материализма, как правило, имеют в виду почти исключительно ее заведующего проф. Белецкого.

При ближайшем рассмотрении уже сейчас, на предшествующем заседании ученого совета, обнаруживается, что кафедра диалектического материализма не представляет собой монолитного единства; оказывается, на этой кафедре существовала долго некая скрытая оппозиция, которая только теперь высказывается откровенно, со всей остротой критики и самокритики.

*Тов. Скворцов*³. Товарищи, за последние пять лет Центральный Комитет нашей партии и товарищ Сталин неоднократно помогали ученым нашей страны, и в частности работникам философской науки, правильно решать основные задачи, стоящие перед советской наукой. Центральный Комитет помогал нам вскрывать и бороться с отступлениями от марксизма-ленинизма, указывая на опасность враждебных течений, имевших место на том или ином участке идеологического фронта.

Весной 1944 г. Центральный Комитет партии вскрыл и осудил грубейшие ошибки авторов III тома истории философии. Летом 1947 г. Центральный Комитет и секретарь ЦК А.А. Жданов помогли работникам философской науки раскритиковать ошибки в книге тов. Александрова и наметить пути развития философии в период перехода от социализма к коммунизму в нашей стране. Еще раньше тов. Жданов выступил по вопросам идеологии, вскрыв ошибки в журналах «Звезда» и «Ленинград», тем самым дал программные установки в работе ученых идеологического фронта.

Весной 1948 г. тов. Жданов выступил на совещании советских композиторов; а в августе 1948 г. Центральный Комитет партии и лично товарищ Сталин помогли раскритиковать идеализм в биологической науке — вейсманизм, морганизм и обеспечить полное развитие биологии Мичурина — Лысенко и тем самым еще раз указали, что советская наука есть народная наука, что она должна служить советскому обществу, должна помогать советскому народу быстрее построить коммунистическое общество.

Последний документ нашей партии, опубликованный в газетах «Правда» и «Культура и жизнь», обсуждавшийся за последние недели нашей советской общественностью и обсуждаемый нами сегодня на ученом совете факультета, имеет важное политическое и практическое значение для нашей страны. Партия указала нам на необходимость разгрома агентов американского империализма, безродных космополитов, поставивших себе целью принижать советскую науку, искусство и их представителей. Космополиты служат грязным целям американского империализма, подготавливающего

войну против Советского Союза и стран народной демократии. Космополиты — это презренные антипатриоты. За последние недели была вскрыта враждебная деятельность космополитов в литературной критике, истории, была вскрыта вредная деятельность в области философии Кедрова, Крывылева, Розенталя, Селектора и других.

Тов. Гальперин. Я должен выразить свое полное неудовлетворение выступлением Сергея Леонидовича [Рубинштейна] на прошлом заседании ученого совета. Мне представляется, что Сергей Леонидович не понял в основном, о чем идет речь, когда критикуют его книги, и так как речь идет о вещах, которые для всех нас очень важны и которые должны иметь решающее значение для всех нас, то надо прямо сказать, в чем тут дело.

Сергей Леонидович изобразил дело так, что главные недостатки книги в том, что в ней недоработаны некоторые вопросы и из этой недоработки возникают некоторые недостатки. Это, так сказать, в теоретической части. Между тем надо прямо сказать, что речь идет не о недоработке некоторых вопросов, а о том, что вся эта система порочная, не наша, не советская система. Дело не только в том, что в отношении фрейдизма не дано политической оценки его роли сейчас в Америке. Дело заключается в том, что автор как будто очень радикально критикует фрейдизм, а в конце концов его принимает, принимает основное понятие фрейдизма о влечении. Это все равно как если бы формальные генетики критиковали бы свои позиции, а потом сказали бы что понятие гена все-таки надо оставить, тогда как это не действительность, а ложное понятие о действительности.

И это не единичный случай. Дело заключается не в том, что в решении психофизической проблемы нужно вопрос об отношении психики и мозга дополнить вопросом об отношении психики и идеологии; дело не в том, что Вы недостаточно решили вопрос об отношении психики и идеологии, а дело в том, что Вы эту проблему поставили так, как она стоит в буржуазной психологии. Ведь в марксизме это решается совсем иначе, у нас не возникает психофизической проблемы как особой проблемы. Почему Вы думаете, что, когда говорят, что мышление есть свойство высокоорганизованной материи, это менее определено, чем если Вы скажете, что это существует в каком-то единстве?

И вот у Вас выходит так: Вы ставите вопрос об отношении психики и мозга как двух самостоятельных вещей, которые затем нужно специально соединять. Конечно, они никак не соединяются. Это с самого начала порочная, буржуазная постановка вопроса. Вы помните, я об этом когда-то говорил.

Эти несколько примеров говорят о том, что тут дело в том, что берется буржуазная по существу дела постановка проблемы и затем ее пытаются улучшить, приспособлять к нам. Конечно, это порочно по существу и ничего из этого не может получиться. Вот откуда вытекает высокая оценка целого ряда буржуазных направлений, и по этому поводу предъявляли справедливые претензии. Почему давалась высокая оценка [гештальтпсихологии] и фрейдизму. Я должен признать, что тут есть своя логика, и логика заключается в том, что в системе буржуазной психологии эти направления действительно представляли собой значительное явление; конечно, в системе буржуазной психологии [гештальт]психология действительно заметное явление и фрейдизм крупное явление.

Когда Вы давали с исторической точки зрения такую оценку, в этом была своя логика, и дело не в том, чтобы эту логику смазывать, а дело в том, чтобы занять другие позиции в психологии, при которых не будет речи о том, чтобы эти отдельные течения внутри буржуазной психологии оценивать как незначительные или значительные. И вот откуда недооценка русской психологии, опять-таки, по-моему, из того факта, что Вы имели в виду ту психологию, которая существовала в царской России формально

в университетах. Эта буржуазная психология царской России, конечно, не заслуживает хорошего поминания, а вот психология, которая была в трудах революционных демократов, в трудах Сеченова, Павлова,— тут у Вас несколько больше сказано, а все-таки недостаточно, а в трудах революционных демократов [она] недооценивается. Почему? Потому что с точки зрения старой психологии не было специальных исследований у Чернышевского,— значит, у него и психологии нет. Во всем есть своя логика, и нужно понять, что это существенно, надо стать совсем на другую точку зрения, выйти из этой системы буржуазной психологии, а не поправлять отдельные части.

Нужно учесть, что была психология буржуазная, которая не заслуживает доброго слова, сама себя не считает наукой. Как-то мы говорили, что она стала экспериментальной, но [она] не успела стать экспериментальной, как начался ее кризис и разложение. А мы считали ее наукой большой и не считали наукой то, что не выступало в специальных психологических исследованиях. Эта точка зрения, которая должна подвергнуться коренному пересмотру.

Вы говорили, что работаете над книгой. Это хорошо, но не надо говорить о каком-то следующем издании книги, а надо прежде всего понять, что эта борьба с космополитизмом означает коренное освобождение от буржуазной идеологии; надо понять всю серьезность и принципиальность этого шага. Поэтому мне представляется, что Ваше выступление в прошлый раз еще не свидетельствовало о достаточном понимании того изменения позиций, того осознания своей качественной особенности и своего лица, к которому мы должны прийти. Вот то, что я считал нужным сказать по поводу этого выступления.

Тов. Леонтьев. В своем докладе, посвященном борьбе с космополитизмом, проф. Берестнев совершенно правильно поставил вопрос о неблагоприятных участках в работе на нашем факультете и о прямых срывах. Говоря о таких неблагоприятных участках, докладчик указал, в частности, на кафедру психологии, сотрудником которой я являюсь.

Об этом неблагоприятии подробно говорил здесь и руководитель кафедры С.Л. Рубинштейн. Однако, на мой взгляд, проф. Рубинштейн в этом своем выступлении представил положение на кафедре в неправильном, ложном свете. Я думаю, что совет должен составить себе верное представление об этом положении, и считаю своей обязанностью по мере моих возможностей остановиться на этом вопросе, чтобы дать несколько другое понимание (и защитить его здесь) о положении на кафедре, являющейся главной для целого отделения.

Серьезные неблагоприятия на кафедре и отделении — это факт, о котором говорят уже не первый год. Должен с огорчением заметить, что об этом говорят не только на факультете, не только на отделении, а стали говорить все чаще и в других учреждениях, заинтересованных в подготовке наших молодых советских психологических кадров. Сергей Леонидович признал, что такое неблагоприятие в работе кафедры существует. Он несколько раз и настойчиво это подчеркнул, я бы даже сказал, политически ставя акцент на этом положении. Но вот, как представляется Сергею Леонидовичу суть этого неблагоприятия. Я записал пункты, которые свидетельствуют, по его мнению, об этом неблагоприятии. Это отсутствие теоретического семинара, который имел место в прошлом на IV курсе. Сейчас, это ликвидировано. Далее речь шла о перебоях с курсом истории русской психологии вследствие болезни одного из профессоров. Остается вопрос о практических занятиях, но сейчас это положение выправляется.

Вот, собственно, что касалось положения кафедры по организации учебной работы.

Далее шла речь о состоянии критики на кафедре, об этом я скажу несколько дальше.

Я думаю, что это не совсем так. Конечно, факт, что не было курса

истории русской психологии в прошлом году; справедливо, что нужно было вводить семинар, справедлива критика в смысле мало удовлетворительной постановки практических занятий и т.д., но ведь, товарищи, это не суть дела, это отдельные симптомы критики, в которых лишь выражается некоторое действительное положение на кафедре. Мне кажется здесь С.Л. Рубинштейн делает серьезную ошибку: он принимает отдельные менее или более существенные проявления сути дела за самую суть. Мне кажется, что это не только неверное, но и опасное понимание, потому что из него следуют определенные [недостатки], они заостряют внимание только на этих отдельных более или менее важных мелочах, [но] закрывают глаза на действительные причины, которые порождают эти отдельные явления. Об этом говорил П.Я. Гальперин. Из критики теоретической, я имею в виду «Основы общей психологии», так же точно взяты отдельные положения, отдельные формулировки, отдельные недостатки, но закрывают глаза на суть, породившую эти отдельные ошибочные положения, эти отдельные ложные формулировки.

Вот почему я говорю об этой ошибке как о центральной, с которой нельзя жить, нельзя дальше перестраивать работу, нельзя дальше развивать дело, потому что борьба с этими отдельными пунктами не обеспечивает ликвидацию основного коренного положения вещей.

В чем же заключается это основное коренное положение, чем характеризуется в общих основных чертах положение на кафедре? Я прибегну к кратким, но достаточно резким формулировкам.

Я думаю, что и С.Л. Рубинштейн и присутствующие здесь товарищи понимают, почему я встаю на этот путь, чтобы противопоставить свое понимание тому пониманию вещей, которое я считаю ложным. Я думаю, следует признать, что работа кафедры как научного коллектива, ведущего сложную — на пятикурсовом отделении, причем на каждом курсе от первого до последнего ведется специальный предмет,— сложную работу по чтению курса психологии в различных формах и вариантах,— что эта работа, как и научная работа кафедры, не организована до сих пор. Несмотря на то что кафедра существует уже шестой год, кафедра не представляет собой коллектива научных и педагогических работников, она не стала таким коллективом, она не существует и сегодня в качестве такого коллектива.

Нельзя сказать, что об этом не говорилось. Говорилось. И Сергею Леонидовичу об этом говорилось в связи с его докладом, который слушался в прошлом году весной. Это отмечалось в прениях по докладу с полной очевидностью. Речь шла о том, что кафедра по сути дела в своей научной и педагогической работе оказывается как бы вне руководства. Я не хочу сказать: без него.

Указывалось совершенно справедливо, и это остается справедливым и теперь, через год, что отдельные, даже серьезные, вопросы возникают на кафедре в каком-то неорганизованном, как это принято говорить, порядке. Я не могу подобрать более выразительного слова. Поясню свою мысль. Надо сказать, что кафедра не занималась обсуждением таких больших ответственных политических документов, как решение сессии ВАСХНИЛ, статьи в газетах «Правда» и «Культура и жизнь» по вопросу, который мы обсуждаем сегодня, по вопросу о космополитизме.

Я хочу спросить Вас: а как проходили на кафедре эти обсуждения? Очень осторожно и скромно? Я должен ответить: «формально». Или еще резче: «как-то совсем замкнуто, так что не развертывалась, по существу, работа вокруг этих документов огромного политического значения». Не было в этом отношении идейной жизни кафедры.

И здесь, мне кажется, в оценке этого положения руководителем кафедры проф. Рубинштейном, задача которого бороться за исправление такого рода недостатков, снова обнаруживается некая коренная ошибка. Только в этом случае она приобретает

несколько иную форму. Я хочу со всей ясностью сказать, что у меня такое впечатление, что Сергей Леонидович считает, что все эти трудности, неудачи в организации педагогической научной работы, в недостаточной активности кафедры вокруг больших проблем, которые ставит партия, зависят от того, что не с кем работать, что создана какая-то пустота вокруг Сергея Леонидовича на кафедре. Скажу прямо, Сергею Леонидовичу кажется, что это организовали вокруг него работники кафедры. Возникает ложная, порочная в практическом отношении теория внешних злых волей. Сергей Леонидович считает, что те товарищи, которые не участвуют в работе кафедры, не чувствуют себя на месте на кафедре, однако в других коллективах оказываются на высоте и не получают таких упреков.

Вот посмотрите, мощная кафедра и по количеству, и по квалификации своих сотрудников. Что сделала кафедра за пять лет? Ведь практически, если не встать на формальный путь оценки, почти ничего. Теперь, если мысленно прикинуть продуктивность коллектива в целом. Она учитывается несколькими десятками работ. Я имею в виду не дватри, а пять-шесть десятков работ. Как будто силой отгоняют эту продуктивность с этого участка! Это объективное положение, и вот мне кажется, что здесь причина есть. Она заключается в том, что не организовано и не налажено сотрудничество.

Я бы сказал, что это не случайное тоже явление, это проявление основных линий, которые надо до конца продумать, найти и уничтожить. Мне кажется, что это то самое, что как-то отделяло кафедру в ее руководстве от самого большого у нас в Союзе Института психологии, который расположен в том же здании. Это то же самое, что говорят о секторе философии. Я скажу это на собрании. Об этом ведь говорят в кулуарах — «бастион на Волхонке», но почему не бастион на Кудринке? Что-то замкнутое, что-то отделенное от широкого советского научного психологического коллектива. Это очень серьезное обвинение, которое я не могу не сформулировать по чувству долга.

Эта же линия в других формах выражается в тех явлениях, о которых много говорили, — об отношении к критике со стороны студентов. Я бы предпочел сказать — о взаимоотношениях со студенческой средой.

Сергей Леонидович категорически отверг обвинение в зажиме критики, которая идет со стороны студентов. Формально я не стал бы возражать против такого отвода, который дал Сергей Леонидович. Может быть, формально и невозможно указать конкретные действия, которые можно было бы так серьезно и резко квалифицировать, но вот в чем дело. Ведь в общении со студентами, в отношении того, что они думают, что их привлекает, что они высказывают, добродетель руководителя заключается вовсе не в том, чтобы находить неверные формулировки, неверные положения, даже отдельные частные заблуждения. Мне кажется, главное заключается в том, чтобы именно в качестве руководителя, человека, гораздо более вооруженного, чем этот молодой, только начинающий психолог, пройти через этот частокол, иногда даже и через эти отдельные ложные, неправильные, наивные вещи, с тем чтобы суметь взять ту настоящую тенденцию, которая почти всегда имеется. Имеется она несомненно, и об этом как-то сказал Сергей Леонидович даже и в той работе, пример которой он приводил в прошлый раз. Помочь эту тенденцию развивать — вот в чем тут дело.

Я не думаю, что правильно употреблять такое выражение, какое употребил Сергей Леонидович: «надо вправлять мозги». Нет, мне кажется, не это слово и не это отношение есть отношение педагогического руководства.

Нужно сказать (на этом я заканчиваю), что, когда Сергей Леонидович призывал нас к тому, чтобы работать на кафедре без внутренних трений, — это его буквальное выражение, которое я себе записал, — восстановить единство нашего отношения к делу, понимания общности задач, я думаю,

что этого призыва недостаточно. Надо спросить себя, а на какой же основе эту работу вести без трений, т.е. нужно договориться раньше о том, что же должно обеспечить эту нормальную, уж не знаю — без трений ли, но действительно нормальную коллективную научно-педагогическую работу кафедры. Я думаю вовсе не без трений иногда, ибо эти трения в форме критики и самокритики, напротив, необходимы, но трения другого рода, конечно, должны быть уничтожены.

В заключение я хотел бы остановиться в двух словах на теоретической стороне дела. Мне показалось (вернее, я убежден в этом), что та же самая линия, то же непонимание проявляется и в отношении к «Основам общей психологии» и к критике этих основ. Дело обстоит таким образом, что очень серьезная, хотя во многом недостаточная критика «Основ общей психологии» была дана уже почти два года тому назад. Надо сказать, что в заключительном слове Сергей Леонидович недостаточно внимательно отнесся к этой критике. Он говорил, что поработал над этой критикой. Я не буду говорить о том, что эта работа пока осталась неизвестной, но у меня возникает сомнение, шла ли эта работа в том направлении, в каком это нужно в связи с имевшейся критикой.

Я внимательно прислушивался к тому, что было сказано [об] «Основах» в смысле критики этой книги, и признаться не услышал ничего такого, чего не слышал бы два года тому назад. Сергей Леонидович встал на путь сравнения текстов «Основ» и того, что он сейчас по поводу данного текста думает, как он данное положение понимает. Думаю, что этот метод порожден тем же неправильным положением вещей.

Дело в том, что здесь, по-видимому, Сергей Леонидович твердо стоит на позиции необходимости изменения отдельных положений и эта позиция закрывает перед Сергеем Леонидовичем картину общей линии.

Я не ожидал даже такого рода настойчивого проведения этой линии неверных, неточных или могущих вести к ошибкам формулировок. Я не ожидал этого потому, что в ответ на очень острую критику, которая была дана в докладе проф. Каирова⁴, Сергей Леонидович выступил и хотя в очень общей форме, но все же соглашался с тем, что в его книге имеется линия, выражающая по существу дела линию ошибок космополитического порядка.

Еще хочу коснуться одного вопроса, о котором говорили и здесь, и на других собраниях. Это вопрос об отношении, которое выражено в этой книге к развитию советской психологии и к современной советской психологии.

Я об этом говорю потому, что Сергей Леонидович отвел те упреки, которые ему в этом отношении делались и делаются. Он, в частности, указал в качестве такой несправедливости на оценку отношения к работам советских психологов, какая дается иногда применительно к «Основам», но привел в качестве примера упрек, брошенный проф. Смирновым на том же собрании. Оказалось, говорит Сергей Леонидович, когда я записал фамилии тех, кого не цитировал, пришел домой, вспомнил, оказывается, они упомянуты.

Опять та же самая единая линия. Разве суть в том, упомянут кто-то или нет, суть вопроса заключается в том, как использованы эти работы, что эта книга стоит в советской психологии совсем прочно, есть в ней, в этой книге,— позвольте такое выражение употребить — чувство локтя в едином советском коллективе или нет. И то, что товарищи говорят — не процитированы такие-то работы, а оказывается они процитированы, но так, что правы те, кто говорит, что не процитированы, потому что только процитированы, а не об этом речь идет. Не число цитат надо подсчитывать и особенно не число ссылок или имен, указанных в алфавитном указателе.

Я бы сказал так: не то, чтобы полное игнорирование этих работ. Автор «Основ» учитывает работы, которые

делаются у нас в Советском Союзе, но отношение к этим работам не есть отношение, которое воспринимает эти работы как свои, т.е. как работы большого, различного по направлениям и мнениям коллектива. Здесь само использование имеет какой-то справочный характер или — даже сильнее — характер простого использования, потребительский, так сказать; это очень резко сказано, я готов смягчить последнее выражение, но суть дела заключается в этом.

Я хочу прийти к некоторым выводам. Я думаю, что, сохраняя эту общую линию, о которой я сейчас говорил по необходимости резко, нельзя будет выправить тех серьезных недочетов, того серьезного положения в отрицательном смысле, которое создалось на отделении. Я думаю, что при этих условиях путем отдельных исправлений нельзя исправить дело по-настоящему.

Тов. Берестнев. Хочу коснуться некоторых вопросов, указать на общие организационные практические выводы, какие следуют из обсуждаемого вопроса. Обсуждение вопросов борьбы против антипатриотической, космополитической идеологии и ее носителей и в других областях науки, и у нас здесь позволило выявить целый ряд крупных существенных недостатков в работе отдельных кафедр, выявить корни ошибок, недостатков, извращений, а также наметить пути устранения недостатков, пути мобилизации нашего коллектива на преодоление этих ошибок, на ликвидацию последствий этих ошибок и развертывания нашей работы на основе большевистской партийности, которая обеспечит разрешение нами важнейшей задачи воспитания молодых кадров в духе советского патриотизма, в духе преданности Родине, в духе непримиримости ко всем проявлениям чуждых нам вредоносных идей и взглядов, в духе непримиримости ко всем извращениям марксистско-ленинской теории.

При обсуждении у нас резкой критике и разоблачению подвергалась деятельность руководителей кафедры диалектического материализма и ее отдельных работников. Выясняя сущность извращений, ошибок, вульгаризации, которые имели место на кафедре и в воспитательной и учебной деятельности отдельных членов кафедры, выступавшие товарищи указывали на необходимость решительного изменения положения на кафедре, перестройки ее работы, укрепления ее новыми кадрами, укрепления ее руководства, создания таких условий, при которых у нас на факультете и в университете было бы невозможно появление каких-либо отклонений и вульгаризации марксистско-ленинской теории.

Здесь, где такой сознательный коллектив, такая боевая комсомольская организация, не могут быть допустимы никакие проявления оппортунизма, извращений, ошибок, отклонений от марксистско-ленинской теории. Мне кажется, что большая работа, которую проделали весь наш коллектив, наша партийная и комсомольская организации, стоявшие во главе этого обсуждения, позволит обеспечить правильное, большевистское воспитание нашего студенчества в духе советского патриотизма, большевистского интернационализма и непримиримости к проявлениям буржуазной идеологии.

Здесь указывали на необходимость решительного перелома на кафедре психологии, ибо линия руководства этой кафедры не обеспечила проведения всех решений Центрального Комитета, всех указаний, которые вытекали из дискуссии ВАСХНИЛ. Не обеспечило это руководство и дружной работы профессорско-преподавательского состава, не обеспечило необходимого уровня идейного, патриотического воспитания, не обеспечило кадров ученых. Не была развернута научная работа. Это свидетельствует о том, что руководство кафедры не отвечало тем задачам, которые поставлены перед нами в деле воспитания кадров.

Порочность концепций проф. Рубинштейна и методов работы кафедры настолько очевидна, что выступление

проф. Рубинштейна, в котором он пытался найти оправдания, объективные причины положения на кафедре, не удовлетворило ученый совет.

И выступавшие здесь товарищи требовали решительной перестройки работы кафедры и высказывали сомнения в том, что проф. Рубинштейн сможет эту перестройку совершить, требовали решительного укрепления руководства этой кафедры.

*

Те соображения, которые высказывались здесь о работе кафедры логики, и критика, которой подверг себя руководитель этой кафедры, являются выражением доброго желания, доброго намерения найти пути и средства исправить создавшееся там положение, и наш коллектив должен потребовать от кафедры решительного подъема идейного содержания работы, решительной перестройки работы, устранения недостатков и ошибок, которые были отмечены.

Приказ

по Московскому ордена Ленина государственному университету

им. М. В. Ломоносова № 159

Москва

27 апреля 1949 г.

В связи с критикой научной деятельности профессора С.Л. Рубинштейна на ученом совете философского факультета освободить его от обязанностей заведующего кафедрой психологии философского факультета МГУ, оставив в должности штатного профессора той же кафедры.

Назначить заведующим кафедрой психологии профессора той же кафедры Б.М. Теплова, переведя его на полную ставку с 23 апреля с.г.

Просить Министерство высшего образования утвердить освобождение проф. Рубинштейна от обязанности зав. кафедрой и назначение на эту должность проф. Теплова.

Ректор Московского университета
академик А.Н. Несмеянов

1 Берестнев Владимир Федорович — профессор кафедры диалектического и исторического материализма, декан философского факультета МГУ по совместительству (с 23 февраля 1949 г.).

2 Соколов — архив и редакция не располагают сведениями об этом участнике заседания

3 Скворцов Александр Павлович — преподаватель кафедры диалектического и исторического материализма философского факультета МГУ по совместительству.

4 Каиров Иван Андреевич — действительный член АПН РСФСР (1944), президент АПН РСФСР (1946—1967), министр просвещения РСФСР в 1949—1956 гг.